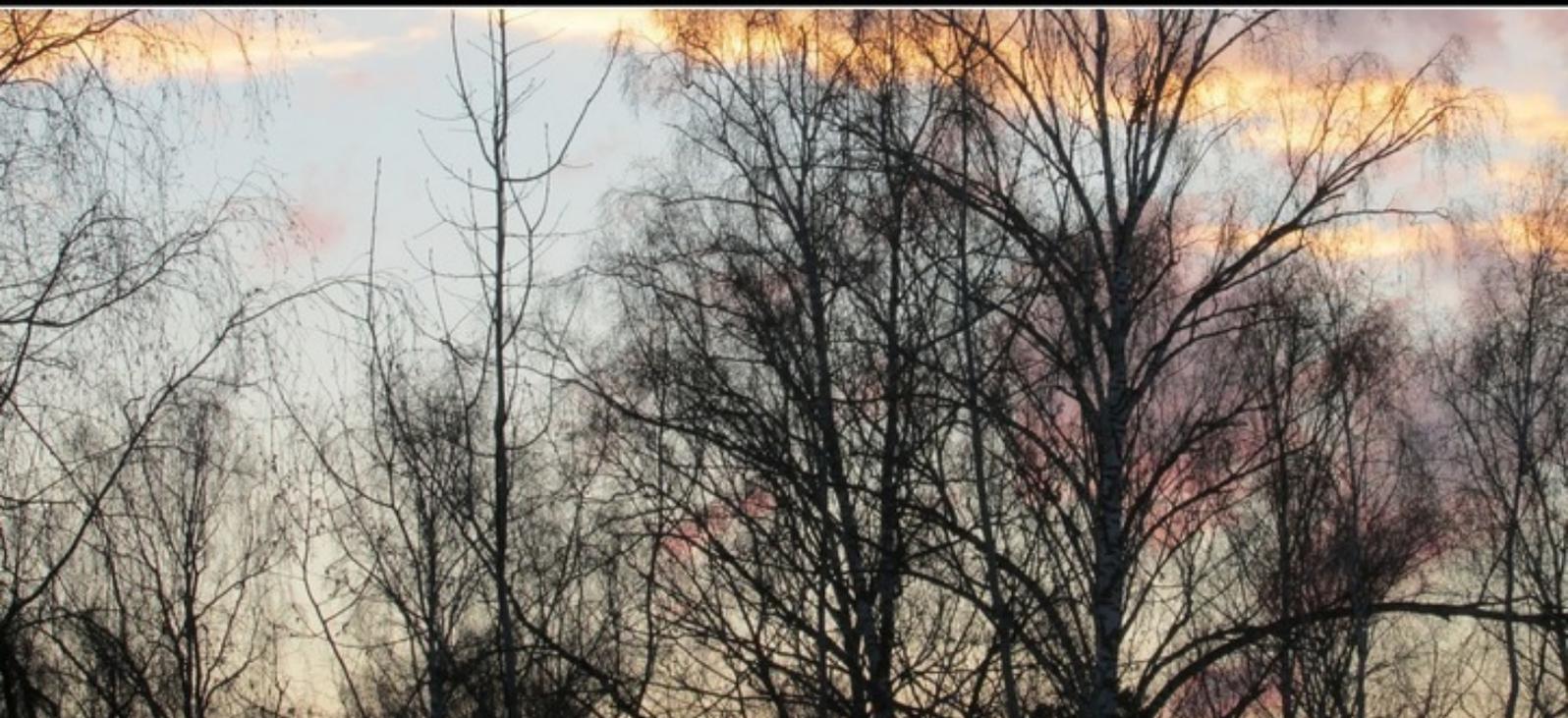

Татьяна Полуянова

*Младенцы
спали без
улыбок*

Рассказы

Татьяна Полуянова

**Младенцы спали без
улыбок. Рассказы**

«Издательские решения»

Полуянова Т.

Младенцы спали без улыбок. Рассказы / Т. Полуянова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852054-9

Все мы родом из детства. У одних людей детство счастливое, у других не очень. От печали до радости — спектр широкий. От чего это зависит? Или кто в этом повинен? Как скажется наше детство на нас, когда мы повзрослеем? Автор задаёт вопросы, на которые не всегда находятся ответы. И предлагает подумать над ними читателю.

ISBN 978-5-44-852054-9

© Полуянова Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Новогодняя сказка	6
Чудеса в новогоднюю ночь	8
Везучий	13
Мухи цокотухи	15
Не роняй небо на землю	17
Солнце нового дня	28
Чёртова кукла	31
Младенцы спали без улыбок	34
Бамбочада	40
Когда пойдёт дождь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Младенцы спали без улыбок

Рассказы

Татьяна Полуянова

© Татьяна Полуянова, 2017

ISBN 978-5-4485-2054-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Не бойся плакать

Новогодняя сказка

...Мы в ответе за тех, кого приручили.

Антуан де Сент Экзюпери

Проснулся Вовка от голода. Встал, потянулся, почесал давно не мытый затылок, сел на кровати. Мать лежала на полу, неловко подвернув ногу. Из её раскрытого рта раздавался мощный храп. Пахло перегаром.

Осторожно перешагнув через бесчувственное тело, Вовка отправился на кухню. На столе стояла пустая бутылка из-под водки, валялись пивные пробки, окурки, смятая пачка из-под сигарет. В холодильнике... Впрочем, холодильника не было. Их старенький, выдавший виды «Кузбасс» исчез вместе с последним материным «мужем» несколько месяцев назад.

– Тоска, – подумал Вовка. Тоска наваливалась на него всякий раз во время очередного загула родительницы.

Вовка оделся и вышел на улицу. Кругом светились, переливались и искрились разноцветные огоньки по-новогоднему украшенных витрин магазинов. В доме напротив звучала музыка. Слышался чей-то смех.

«Скоро Новый год», – равнодушно подумал Вовка, зная наверняка, что и на этот раз праздника у него не будет. Праздник бывает у других, там, где играет музыка, где сверкают нарядные ёлки, где много еды...

Почувствовав себя бесконечно одиноким, Вовка всхлипнул и направился в соседний магазин, где одна добрая продавщица иногда давала ему булочку и участливо гладила по голове.

Внезапно Вовка услышал тоненький писк и увидел, что какой-то маленький пушистый клубок копошился у крыльца магазина. Вовка нагнулся. Припорошенный белым снегом щенок беспомощно скулил, тщетно пытаясь забраться на ступеньку. Вовка посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было. Он взял щенка на руки, осторожно стряхнул снег с пушистой шубки и сунул его за пазуху.

В магазине работала та самая продавщица. Она кивнула Вовке, как старому знакомому. Потом дала ему булочку, налила стакан молока. Молча погладила по голове, вздохнула о чём-то и пошла к ожидавшим её покупателям. Вовка отщипнул кусочек булки, обмакнул его в молоко и опустил за пазуху, где тёплый язык благодарно облизал ему пальцы. Вовка быстро поел и вышел на улицу.

Всё так же шёл снег, так же вдалеке звучала музыка. Но теперь Вовка был не одинок. За пазухой у него был друг, и тёплое чувство переполняло и грело душу мальчишки.

К магазину подъехал джип. Богато одетый дядька вышел из машины, зачем-то обошёл вокруг, глядя под ноги, заглянул под крыльцо.

– Мальчик, – вдруг обратился он к Вовке, – ты не видел здесь щенка? Собачку, маленькую такую?

Вовка смотрел на дядьку. Сердце его сжалось от предчувствия скорой разлуки с недавно приобретённым другом.

– Мальчик, – дядька что-то почувствовал, шагнул к Вовке. – Скажи, где собака – дам тебе 20 баксов!

«Ого! – подумал Вовка, – это ж сколько жратвы можно купить...»

Щенок шевельнулся на груди, устраиваясь поудобнее.

– Нет, дяденька, не видел я никакого щенка, – сказал Вовка и решительно зашагал прочь.

Дядька пошёл к машине, стал что-то говорить в темноту салона, и вдруг из открытой двери послышался громкий детский плач. Вовка остановился. Сквозь плач он расслышал слова:

– Не хочу в гости! Не хочу на ёлку, если Бимка потерялся...

Дядька продолжал что-то ласково говорить, но плач не прекращался. Был он таким горьким, что Вовка не выдержал, подошёл к машине и вынул из-за пазухи тёплый комочек.

– Возьмите своего щенка. А денег мне не надо: друзья не продаются, – с горечью сказал Вовка и пошёл прочь, унося в душе прежнюю гнетущую тоску, которая вдруг стала во много раз сильнее.

– Мальчик! Мальчик! Поехали с нами на праздник! Ну, пожалуйста, ведь Новый год! – раздался детский голос из машины.

– А что я, собственно, теряю? – мелькнуло в голове у Вовки, и он залез в машину, где пахло ёлкой и апельсинами, предчувствуя, что в его жизни скоро произойдёт что-то хорошее и очень важное. Ведь скоро Новый год! Ведь должно совершиться чудо!

2000 год

Чудеса в новогоднюю ночь

Первоклассник Саша сидел за партой опустевшего класса и рисовал иллюстрацию к сказке «Морозко». За окном было темно.

– Опять за тобой не приходят, – раздражённо сказала воспитательница продлёнки, – не любят тебя родители! Каждый день самого последнего забирают.

Саша промолчал. Он уже устал объяснять, что родители его очень любят, просто работают они в другом конце города. А ехать в автобусе в час пик, сами знаете...

Наконец, пришла мама.

– Смотри, что я нарисовал! – бросился Саша к матери.

– Ладно, сынок, дома посмотрим, – сказала мама, виновато глядя на воспитательницу, – собирайся быстрее, нам с тобой ещё за Ваней идти.

– С наступающим вас! – сказала мама Ваниной воспитательнице, и они все трое отправились домой.

По дороге Саша спросил:

– А скоро этот наступающий наступит?

– Скоро, сынок, уже завтра.

– А Дед Мороз к нам придёт? – спросил младший сын.

– Обязательно! – ответила мама.

– Настоящий? – недоверчиво спросил Ваня. – А какие подарки он нам подарит?

– А какие вы хотите? – спросила мама, которую тоже мучил вопрос детских подарков.

– Игрушек у нас и так полно, – рассудительно сказал Саша.

– Даже снежок есть, – подтвердил Ваня.

– Хочется какого-нибудь чуда, – мечтательно произнёс старший.

– Чудес не бывает, – неожиданно заявил младший, – к нам даже Дед Мороз ненастоящий приходит. В детсаду воспитательница из Сониной группы нарядилась в Дед Мороза, а няня – в Снегурочку.

– А дома в прошлом году папа дедморозью бороду нацепил. Думал, что мы не узнаем, – подхватил Саша.

– А мы ведь не дураки, да, мам? – Ваня забежал вперёд, чтобы увидеть мамины глаза.

– Нет, конечно, – засмеялась мама, обнимая мальчишек, – вы у меня самые-самые умные, смелые и умелые!

Вечером, когда братья уже были в кроватках, пришёл папа. Зашёл к сыновьям, поцеловал каждого. Мальчики уснули. С надеждой, что завтра случится чудо.

Утром дети увидели наряженную ёлочку. Она была пушистая и очень красивая: шары, сосульки, огоньки. Но ничего чудесного в ней не было. Обычная новогодняя ёлочка. Даже не настоящая, а синтетическая. Четырёхлетний Ваня знал, что давным-давно, когда его брат Саша был совсем маленький, а его самого и в помине не было, мама с папой купили искусственную ёлочку и договорились, что будут наряжать её каждый год. Мама любила всем говорить, что так они сохраняют целый еловый лес.

Саша и Ваня обошли ёлочку кругом, но нигде никаких чудес не нашли. Потом мама велела убрать свои игрушки и больше их не раскидывать, потому, что вечером придут гости. А сама надолго исчезла на кухне: делала там салат оливье и пекла эклеры. Мальчики прибрали игрушки, поели салата, попробовали пирожные: они, как всегда, получились очень вкусными. Сходили с папой в магазин, принесли целую кучу конфет, мандаринов и даже похожий на пальму ананас.

Но чудо всё не происходило.

Вечером пришли гости: Сашин одноклассник Семён со своими родителями, соседи по лестничной площадке тётя Марина и дядя Коля со своей дочкой Варей. Немного погодя пришла мамина лучшая подруга тётя Наташа. Одна. Потому, что мужа у неё не было, а дочка Лера внезапно заболела, и осталась дома с бабушкой.

– Представляешь, – говорила тётя Наташа маме, – где-то умудрилась подхватить ветрянку – и это под Новый год! Сидит теперь дома, вся в зелёнке, из-за карантина никуда не выйти.

– Мои мальчишки уже ветрянкой переболели, им не страшно, а вот про Семёна и Варю – не знаю, – сочувственно сказала мама, – очень жаль, Ваня её ждёт.

– Вот-вот, не можем же мы других детей заражать, и Лерку жалко. Так что я ненадолго. Встречу Новый год – и домой! Эх! Никакой личной жизни! – с чувством воскликнула тётя Наташа, глядя на себя в зеркало.

– Да, чуть не забыла! – спохватилась мамина подруга. – Ты не против, если придёт мой брат с дочкой. У него жена в роддоме, я ему ваш адрес дала, чего им дома скучать!

– Ладно, – кивнула мама и пошла ставить на стол ещё тарелки.

Родители детей были людьми молодыми и ещё хорошо помнили, как сами ждали праздника и новогодних чудес. Они добросовестно показывали детям инсценированную сказку про Деда Мороза и Снегурочку, которые приносили детям подарки. А страшная баба Яга с настоящей метлой и леший в старой папиной шапке пытались их выкрасть. Потом баба Яга всё же исправилась и перестала строить козни. Леший убрался восвояси в лес, а, точнее, пошёл к столу с закусками. Снегурочка-тётя Марина спела весёлую песенку, а Дед Мороз, дядя Коля, раздал всем детям подарки.

Потом детей накормили. И оставили в детской.

– Прошу к столу! Давайте проводим Старый год, – пригласила гостей мама, отцепив крючковатый нос и отмывшись от грима бабы Яги.

Когда до Нового года осталось всего пять минут, в дверь позвонили.

– О! Ещё один Дед Мороз! Да ещё и со Снегурочкой! – воскликнул папа, открыв дверь. – Давайте быстрее проходите, уже президент говорит! – подтолкнул он Снегурку – в комнату к детям, а Дед Мороза – к взрослому столу. Дядя Коля протянул новому гостю бокал шампанского.

– С Новым, 2011-м годом! – закончил свою речь президент в телевизоре. Гости дружно подняли фужеры:

– С Новым годом!

Гость, пришедший последним и не успевший раздеться, поражённо воскликнул:

– Как с 2011-м? – но из-за хрустального звона бокалов его никто не услышал.

Девочка вошла в комнату к детям. Сняла голубую шубку и оказалась в голубом платье. Немного постояла, присматриваясь к обстановке. Саша с Семёном играли в настольный хоккей и азартно выкрикивали:

– Передача!

– Гол!

– Шайбу!

Варя играла с куклой, которую ей недавно подарили. Пеленала младенца, надевала ему чепчик и укладывала спать, качая на руках.

Ваня лежал на полу и задумчиво катал машинку. Ему было грустно. «Всё-таки чудес не бывает», – думал мальчик.

Новенькая девочка подошла к Ване. Подобрала валяющуюся на полу машинку без колеса. Подтолкнула к мальчику. Машинка тронулась с места, заваливаясь на бок, потом остановилась, каким-то чудесным образом у неё появилось недостающее колесо. Рванула с большой скоро-

стью по периметру комнаты и лихо затормозила около Вани. Мальчик удивлённо посмотрел на машинку, потом на девочку.

– Ты кто? – спросил он.

– Меня зовут Ангелина, – ответила девочка, – а это у тебя что? – спросила она, показывая на ранку на Ванином пальце.

– Мышонок Пит укусил, когда клетку чистил, – сказал Ваня.

Ангелина взяла Ваню за руку, провела по раненому пальчику своей ладошкой, и – ранка исчезла.

– Как ты это делаешь? – заинтересовался Саша, который всё видел.

– Просто, – ответила девочка, – хочешь, и тебе зубки полечу?

А у Саши две недели тому назад выпало целых два молочных зуба, и ещё один шатался. Теперь ему было неудобно кусать и произносить некоторые слова.

Ангелина провела ладошкой около Сашиного лица – зубы тут же выросли. Ещё лучше прежних – Саша специально посмотрел в зеркало.

– Ты что, волшебница? – спросил Ваня.

– А как ты сюда попала? – спросил Саша.

– А что ты ещё умеешь делать? – спросила Варя.

– Да нет, я не волшебница, так, простая Снегурочка. Мы с Дедушкой Морозом спешили к ребятам на праздник в Дом пионеров. А попали почему-то к вам. Наверное, дед Афанасий опять что-то перепутал.

– Кто такой дед Афанасий? – спросил Саша.

– Дедушка мой, работает Дедом Морозом, – терпеливо объясняла необыкновенная девочка. – А я ему помогаю.

– А кто такие пионеры? – спросила Варя.

– Это дети такие. Они носят красные галстуки, – подал голос Семён, – только их уж лет двадцать и в помине нет.

– Я и говорю, дедушка что-то перепутал. Там, куда мы направлялись, должно быть совсем мало игрушек. Я целый год специально училась делать так, чтоб они появлялись у детей. А вам, похоже, совсем это не нужно – у вас их вон сколько, – обвела рукой комнату Ангелина.

– А что ты ещё умеешь? – повторила вопрос Варя.

– Не знаю, – неуверенно сказала маленькая волшебница.

– А попробуй сделать так, чтобы здесь оказалась Лера, – робко попросил Ваня, – а то ей скучно одной дома болеть.

– Ладно, попробуем! – Ангелина покрутилась на месте, хлопнула в ладоши – и перед ребятами тут же предстала Лера в ночной пижамке. Лицо и руки девочки были пёстрыми от пятен зелёнки.

– Одну минутку! – воскликнула Ангелина, очертила ладошкой над Лерой круг – и зелёные пятна исчезли, а пижама превратилась в нарядное платьице.

– Здорово! – восхищённо сказал Ваня.

– Класс! – хором произнесли Саша и Семён.

– Чудесно! – воскликнула Варя.

А Лера ничего не сказала. Она испуганно озиралась по сторонам. Но, увидев вокруг своих друзей, очень обрадовалась.

Ангелина и сама была в восторге от сотворённого ей маленького чуда.

– Ну, у кого ещё какие желания? – спросила она.

– Мой папа очень хочет быть начальником, ему надоело точить и точить на станке детали, – сказал Семён.

– А мой папа лысый! – неожиданно воскликнула Варя. – А его на работе дразнят!

– А у меня вообще папы нет, – грустно сказала Лера.

Варя, подумала и сказала:

– А ещё я хочу братика. Мама тоже хочет. Но врачи ей почему-то не разрешают...

Дед Мороз по имени Афанасий окончательно понял, что он оказался совсем не в том году, куда отправлялся на задание со своей Снегурочкой-Ангелиной. Пока Афанасий придумывал, как бы половчее выкрутиться из этой ситуации, он даже вспотел... Просто встать и уйти – неудобно. Хозяев обижать не хочется. Вон хозяйка как раз к нему направляется.

– Вы бы разделись, жарко же!

– Видите ли, я попал сюда нечаянно, – попытался объяснить Дед Мороз.

– Да, ладно, я всё про вас знаю, – сказала хозяйка, – раздевайтесь, будьте как дома, – Андрюша! Помоги Деду Морозу раздеться! – позвала она мужа и убежала на кухню – посмотреть гуся в духовке.

Наташа, её лучшая подруга, пришла следом:

– Настя, а что это за интересный мужчина в костюме Деда Мороза? На Шона Коннери похож, только моложе...

Настя в недоумении смотрела на свою подругу:

– А это разве не твой двоюродный брат, у которого жена в роддоме?

Подруга изумлённо взглянула на Настю, потом обе женщины, не сговариваясь, побежали в комнату.

– Я пытался объяснить хозяйке, что оказался у вас по ошибке, но она быстро ушла, – рассказывал Дед Мороз Афанасий гостям. Без шубы и шапки, в поношенной в тельняшке, Дед Мороз имел очень домашний вид. Он, действительно, был похож на английского актёра Шона Коннери, только моложе.

– Вообще-то мы с внучкой должны были попасть в год 1985-ый. Там у детей очень мало игрушек. Нас специально обучили для восьмидесятых, но в программе опять что-то сбилось. И вот мы тут. Скоро мы уйдём, – Афанасий взглянул на часы, – следующий сеанс перемещения во времени начнётся через полчаса. А пока... позвольте поесть ещё немного салата, он у вас получился необыкновенным!

– Конечно, кушайте, на здоровье! – захопотала Настя, подвигая Афанасию салатницу с оливье. Другие гости молча смотрели на Деда Мороза, пытаясь переварить услышанное.

В это время зазвонил мобильный телефон в кармане у Игоря, отца Семёна. Игорь с опаской посмотрел на трубку, поднес её к уху. Его глаза округлились.

– Это не розыгрыш? Да, сегодня не первое апреля. Спасибо... – Игорь ошалело обвёл всех взглядом, остановил его на лице жены:

– Нет, чудеса бывают... Мне только что сообщили, что я назначен... директором нашего завода...

– О! Давайте за это выпьем! – воскликнул хозяин, – из токарей – в директора, это круто! Не успел Андрей налить, как всеобщее внимание привлёк телевизор.

– ...небольшое дополнение к моему поздравлению, – говорил с экрана президент, – Мы тут с премьер-министром подумали, и я решил сделать новогодний подарок всем работающим родителям. Ведь это же настоящее безобразие, когда ребёнка самым последним забирают из детского садика или продлёнки! Поэтому с Нового года у всех родителей, имеющих маленьких или средних детей, сокращается рабочий день на два часа!

– Мы ж договорились только мамам сократить! – перебил его премьер-министр, – кто работать-то будет, если все начнут на два часа раньше уходить?

– Но я уже пообещал, неудобно отменять, – смущённо возразил президент.

– Ладно, давай так: мамочкам – сокращённый рабочий день, а папашам, только действующим, – уточнил премьер-министр, – мы дарим «Лады-Калины»! А что, хорошая машина! Сам проверял.

– И последнее, – президент погрозил кому-то пальцем, – недопустимо, чтобы вместе с сокращением рабочего дня мамочкам сократили зарплату. Денег родителям должно хватать и на учебники, и на мороженое, и на игрушки!

Потрясённые гости молча смотрели на голубой экран, где опять, как ни в чём не бывало, острили привычные галкины-петросяны.

В это время на лысине Николая зашевелились и по-мультяшному быстро начали расти белокурые волосы.

– А-аа! – в ужасе закричал Николай, хватаясь за голову.

Волосы всё росли и росли. Завиваясь в крупные кольца, они уже достигли плеч и зазмеились вниз по спине. Внезапно удивительный рост остановился. Будто кто-то невидимый состриг длинные локоны, и на голове Николая осталась аккуратная, но вполне мужская причёска.

– Ангелина забавляется! – неожиданно произнёс Афанасий.

Все бросились в детскую. То, что родители там увидели, они не забудут никогда.

Лера и Ваня с ладошек кормили Жар-птицу. Чебурашка и крокодил Гена по очереди скакали на коньке-Горбунке. На полу сидела семейка Шрэков. Зеленоватые малыши азартно играли в настольный хоккей, а их колоритные родители не менее азартно за них болели. Саша с Семёном ездили на Емелиной печке, компактной такой – не больше табуретки. Сам Емеля соревновался с Ангелиной в сотворении чудес. А Варя... Варя держала на коленях годовалого ребёнка и пела ему песенку.

– Мама! – возбуждённо закричала девочка, увидев родителей. – Вот мой братик!

Тётя Марина схватила малыша, прижала к груди, почему-то сразу и безоговорочно поверив в чудо.

– Ангелина, внучка! – позвал Дед Мороз, уже одетый в привычную красную шубу. – Нам пора. Кони под окном ржут.

Все бросились к окну. Там действительно стояли сани с великолепной тройкой лошадей.

Дети протянули Деду Морозу мешок со своими игрушками.

– Отвезите их в 1985 год! – сказал Саша. – Пусть там тоже дети порадуются!

– Забавная ситуация получается, – заметил Андрей, – когда собственные дети в твоё детство подарки посылают!

– Счастья вам и удачи, – прощался со всеми Дед Мороз Афанасий, похожий на Шона Коннери, только моложе.

– А к вам я попозже заеду, – шепнул он на ухо тёте Наташе.

Проводив необыкновенных гостей, взрослые сели за стол. Дети вернулись в детскую. Семейки Шрэков там уже не было. Емели тоже.

Зато в аквариуме притаилась и хитро подмигивала забытая им щука.

2010 год

Везучий

Старший брат Генка был моим кумиром и образцом для подражания. Генка смело прыгал в речку с моста, издали попадал ножичком точно в яблочко, нарисованное на двери нашей комнаты, запросто мог попросить закурить у физрука и отправлял сочный плевок тому на кроссовки в случае отказа. Извините, мол, нечаянно. Либо важно затягивался в открытую – прямо на крыльце и другим пацанам бычок не жадовал.

Героем школы Генка стал, когда спёр из кабинета химии стеклянную банку с плавающим в масле шматком натрия. На уроке учитель скупой отщипывал крошечные кусочки, помещал в воду и они воспламенялись красивыми брызгами, похожими на бенгальские огни. Фантазия у Генки была что надо. И он пообещал одноклассникам устроить настоящий салют.

На большой перемене Генка притащил трофей в туалет, растолкал праздных курильщиц и плюхнул содержимое банки в унитаз. Салют действительно получился классный. Неделю потом от амбре отмывались сами и драили школу. Правда, слава настигла Генку уже посмертно. Унитаз не пролетел мимо забубённой головушки.

Какое-то время я, как брат героя, купался в лучах этой славы, но однажды отчётливо понял, что все ждут от меня самостоятельных подвигов.

Вот только мать была против. Она запустила в меня табуреткой, когда неожиданно зашла в комнату, и ножик, который я кидал в яблочко, просвистел у неё прямо над ухом. Отлупила автомобильной фарой, когда не сумела поймать кинутый ей брусочек. А чего? Сама же передать попросила – чтоб тяпку наточить. А фара ей просто под руку подвернулась – в огороде валялась. Фара поломалась, а мне – хоть бы что. Везучий я, наверное. Потом мать сказала, что если я... короче, убьёт собственными руками. Да ещё велела очки носить, глаза исправлять. А очки такие... специальные: там одно стекло пластырем заклеено. Врач сказал: временно.

Пацаны над очками этими ржали и обидно дразнились, а раз вообще отобрали.

– Вот и проверим, Косой, достоин ты братана своего. Короче, приходи ночью на кладбище. На Генкиной могилке ищи!

На кладбище было не очень и страшно. Холодно и темно только, да птица какая-то скулила тоненько. И потом, когда я уже очки нашёл, вдруг кто-то заорал, затопал, заругался матерно. Присел за памятник, прислушался. Долго сидел, а потом подумал: коль матерятся, как дружки мамкины, значит, – люди, не призраки. Пошёл на звуки, а уже и стихло всё. Вдруг на оградке одной тень чернеет. А мне мимо идти – по-другому не обойдёшь ту могилку. Затаился опять. Будто капает что-то: кап! кап! Стал потихоньку подкрадываться – не видно в темноте-то, рукой потрогал: тёплое и мокрое нащупал. Тут луна из-за облака вылезла, стало видно: человек на оградке висел, из груди у него прутья торчали, а глаза – как белые яйца выкатились.

Врать не буду – побежал, что есть мочи рванул. Сердце по рёбрам колотилось больно – вот и не понял, гонятся за мной, или крики да топот почудились.

На пути дом заброшенный стоял – контора бывшая. Мы там с пацанами часто собирались – ну, анекдоты там, или в ножички поиграть, клея понюхать.

Я туда забежал, махом на второй этаж заскочил. Прислонился к стенке, прислушался. А сердце всё колотится, прыгает, не уймётся, зараза. Вдруг, будто ветерком лёгким повеяло, щеки что-то лохматое коснулось. Пацаны? Нет: тихо вокруг, а наши бы матерились. Привидения? Нет! То ли голуби, то ли мыши летучие. Я их недолюбливаю, поэтому вниз побежал. Только весь дом отчего-то разбудился: зашелестело, залетало, загукало всё вокруг. Летает и шлёпается об стенки. Хлюпает и падает. Бегу, а ноги на что-то мягкое наступают. Но вырвался. Вон сейчас с горочки сбегу – там и дом родной.

Только когда бежал – очки со стеклышком заклеенным где-то обронил – плохо, не поверят пацаны, что на кладбище был... Расстроился, да сослепу с тропинки в темноте и свернул,

на помойку с размаху заскочил, крышка треснула. Видно доски гнилые были. Провалился я не до конца. За гвоздь шкуркой зацепился, орать или не орать, соображаю. Я ж понимаю – что толку-то – ночь на дворе. Спокойно висел так, ногами только пошевеливал, опору искал, но до дна не достал. Вдруг кто-то подошёл, крышку разбитую откинул и – плюх в меня помоями. Я и тут шуметь не стал – пискнул сдавленно, чтоб в рот не попало. Зато она ка-ак завизжит! Бабы они глупые. Чего кричала? Так ведь она удачно ночью на помойку пришла! Верки Измайловой родительница. Вытащила меня, поохала. Пообещала матери не рассказывать.

Я в дверь торкнулся, закрыто. Пришлось в окно лезть. Вот только не учёл я, что мать таз с вареньем на подоконнике остывать оставила.

Прибежала на грохот, свет зажгла и запричитала над лужей варенья, как они, бабы, умеют:

– Ох! Горе ты моё луковое! – потом на меня глянула. – Да где ж тебя черти носили? – и дальше в том же духе.

Видок у меня тот ещё, да и запахи тоже... Не герой. Подвёл Генку.

Только кроме доблести ещё и везение иметь надо.

В то раз повезло сильно – мать даже не выпорола. Гладила меня по голове и почему-то плакала. А меня вопрос мучил:

– К чему мне мертвяк на кладбище привиделся?

И подумал неожиданно: «Наверное, к пятёрке по географии».

На другой день к школе подъехала машина. Все к окнам прилипли: не каждый день в нашей деревне милицию увидишь.

Когда прямо в классе на меня наручники надевали, училка, правда, дёрнулась, заступиться хотела, мол, маленький ещё, не мог он тех уродов замочить, что могилки мародёрили. Но менты сказали, что следы привели в наш дом. А я и не против: вон как Верка Измайлова смотрит, да и пацаны заценили. Соображают, бедолаги, что перещеголял я брата!

Триумф случился, когда меня выпустили. Матери объяснили, что специально арестовали, чтобы настоящие убивцы бдительность потеряли. А меня, мол, как свидетеля охраняли, мало ли что.

Вся школа кричала: «Косой! Герой!» А Верка Измайлова букет подарила.

Нет, что ни говорите, а слава – это круто!

2012 год

Мухи цокотухи

У меня мамка – страсть, какая залётная.

Сосед по коридору или на работе кто – палец ей покажет – она уже снова с пузом. Соседка её ругала, мол, нафига ты их рожаешь – без мужика-то?

Она хохочет только. Мамка наша весёлая. У неё глаза... Сияют как глаза двойной звезды... Не то, что соседка, тётка Надя. Вон опять мамку жжёт:

– Никак, снова под мухой? Ох, Галька, Галька! Берись за ум...

– Поздно пить боржоми, коль поезд ушёл! – захохотала мамка и ушла калымить.

Хорошо, Мишка с Пашкой в школу ходят. Хоть поедят там.

Скосили лето, осень отпылала.

Мне тоже в школу надо, специальную. Но мамка сказала: чем в дурку ходить, нянькайся с малыши.

– Не жри тараканов, Дунька, скоко раз тебе говорено! – опять в коридор выползла, соплюха, быстро потетёхала на коленках. Мокрый след от двухвостки колготок.

Каждый день одно и то же. У пятой двери, где Колька рыжий живёт, поймала её. Приволокла Дуньку, сунула в кровать:

– Спи с Дашкой!

А Дашка сморщилась, реветь нацелилась. Тряпочку с хлебушком сунула в беззубый рот.

Думала я, думала и надумала: надо мамке спираль купить. Спросила у тётки Нади – самая дешёвая две тыщи стоит. Ничё, заработаю! Колька рыжий давно предлагал по десять копеек за штучку. По десять копеек – за каждую муху, выловленную из супа или сдохшую как-то по-другому. Ему это без разницы. Видать, донимают двукрылые жигалки бедолагу. Сам-то он мухи не обидит никогда – нечем: инвалид однорукий.

Мишка с Пашкой тоже к охоте подключились. Настоящую цель я от них скрыла. Сказала: будем из мухи слона делать. Они и поверили. Защёлкали газетой в комнате, захлопали свёрнутым журналом в коридоре и в кухне общей. Все соседи одобрили акцию. Несколько штук и они мне до кучи подбросили. Кому же охота с мухами жить? Только всё равно процесс обогащения шёл медленно. Колька рыжий на попятную, сидит, молчит, будто муху проглотил. Не ожидал, что столько денег отваливать придётся. Только на десятку в неделю и продавала ему. И никто из соседей покупать не захотел. Жмоты.

Скоро мухи кончились. Нет, белые по улице ещё летают, а чёрные кастрюльницы и зеленые говнушки куда-то попрятались.

А много ли ещё календарей украсят створки кухонных дверей?

Весной мамка снова родила. Прямо в комнате. Чьё-то тихое кряканье меня и разбудило. И Дашка завозилась, готовая проснуться. А мамка зашикала:

– Дашка, спи с Дунькой! – и тихо мне бросила: – Дай ей соску!

Потом завернула крякву в юбку клетчатую и ушла.

Когда Дашка уже три тряпочки иссосала, мамка вернулась. Пролезла в дверь боком, как сонная муха, и стала перед зеркалом. Смысла нет тереть стекло. Глаза в тумане, как фары...

Пространство – толчея в глазах, а время – гудение в ушах...

Я видела в окно: мусорный ящик тот крякающий кулёк проглотил, словно старую мочалку...

Скорее бы мухи прилетели. Тема со спиралью до сих пор актуальна...

Я боюсь про это даже думать. А вдруг соседи мои мысли своруют?

– Что же дальше, маленький человек? – спросила Дашка... или Дунька... а, может быть, ворона...

– А мух его знает, – ответила я... или мамка... а, может, инвалид Колька...

2012 год

Не роняй небо на землю

Седая долгая зима наконец рассопливилась. Щурясь от яркого солнца, сморщилась щеками сугробов, захлюпала неминуемыми потоками.

На площади каруселила пёстрая масленица, гудела праздной толпой, исходила паром горячих блинов и душистого чая. Сеня и Ксюшка с восторгом наблюдали за парнями, взбирающимися на обледенелый высокий столб за подарками.

Мужик в красной рубахе и остроконечном колпаке с кисточкой поднимался в корзине подъёмника, приплясывал и паясничал над толпой, подкладывая в большую сумку на верхушке столба то сапоги, то бутылку шампанского, расхваливая подарки визгливым голосом. Огромный красный нос Петрушки потешно шевелился, а чёрные глаза дико вращались. Когда он объявил в качестве приза ключи от квартиры, Тая тихонько толкнула мужа в бок. Валерка недоуменно посмотрел на неё, потом – на ключ в Петрушкиной руке, тихо спросил:

– Ты думаешь?.. – поняв её полный мольбы взгляд, решительно скинул куртку, свитер, поплевал на руки и полез.

Гладкий столб охлаждал голый живот, ноги соскальзывали. Валерка беспомощно поглядывал вниз, где весело кричали дети:

– Па-па! Па-па!

Тая отчаянно жалела Валерку и уже махала ему рукой: слезай, мол!

Но тот, закусив губу, упорно продолжал подниматься. В призовой сумке, которую Валерка сбросил вниз, ничего не было. Тая и четырёхлетний Сеня принялись искать в грязной снеговой каше под праздными ногами – может, выпали? Петрушка жизнерадостно хохотал и пискляво покрикивал:

– Эй, расступись, народ! Не видишь, люди ключи потеряли!?

Когда Ксюха громко заревела, Петрушка сжалился, сказал нормальным голосом:

– Да не было там никаких ключей, ребята. Шутка юмора! – и, будто спохватившись, завращал страшными глазами, заорал визгливо: – Дешева рыба – дешева и уха! А в качестве приза вручаю вам... петуха!

И жестом фокусника вытащил откуда-то и сунул в руки Валерки настоящую, живую, цвета базарного огня птицу, с яхонтовыми перьями пышного хвоста, воинственным жёлтым глазом и красным гребнем набекрень.

Дети ликовали!

– Петусь! – отчётливо выговорила Ксюшка и засмеялась.

– Ну и куда мы с ним? – растерянно сказал Валерка...

– Несите его вашей бабушке! Любит бабка петуха – за красивые меха! – и Петрушка захохотал, растягивая до ушей нелепый крашенный рот.

Неожиданно для всех Анна петуху обрадовалась. Насыпала ему крупы в чашку с отколотой ручкой, а когда он, клюнув пару раз, шумно захлопал крыльями и хрипло кукарекнул, захихикала по-детски и посадила рядом с собой в кресло перед телевизором.

Зато покосилась на большие розовые пряники, которые дети выпросили на ярмарке, и заворчала, мол, балуете их, зачем покупать такие огромные, всё равно не съедят.

Дети играли за столом с гостинцами, не осмеливаясь нарушить сказочную красоту глазури цвета гортензии. Потом Сеня все же решился. Откусив раза три, он положил жамку на стол и пошёл на горшок, прихватив с собой хоккейную клюшку. Сестрёнка со своим пряником крутилась рядом, и когда он выпал из маленьких ручонки, Сенька тут же использовал вбрасывание и совершил мощный бросок прямо в бабушкино кресло. Сидя на горшке, попасть в него было не так-то просто. Ксения это оценила и одобрительно крикнула:

– Го-ол!

И Сеня тоже крикнул:

– Го-ол! – только ещё громче.

– А-а! – завизжала Анна. – Чему вы детей учите? Как они с хлебом обращаются?! Нам сызмальства внушали: не роняй хлеба на землю, а вы?

– Да, ладно, мам, они ж маленькие, научатся, – попытался уладить Валерка, легонько подталкивая Ксюшку: – Подбери пряник, доченька.

– Да что ладно!? Дети хлеб по полу возят, потом Тайка его подбирает и всем скармливает. Поэтому и семейка такая – у детей понос, а меня тошнит от вас! У хорошей хозяйки муж пуд грязи съедает, а у такой засранки скоро сдохнут все! – Анна уже кричала в полный голос.

Мирно дремавший до этого петух встрепенулся и, нацеливая клюв на розовую сдобу, спикировал на пол. Почти было ухватившая пряник Ксюшка обиженно скривила губёнки и разревелась.

– Класс! – одобрительно завопил на горшке Сеня.

– Замолчите все! – рявкнул Валерка. – Невозможно в таком дурдоме жить! – добавил он и начал собирать рюкзак.

– Опять семью на бабу кидаешь, – кричала вслед Анна, тряся мелкими химическими курдюшками. – Господи, за что мне такое наказание? Вот ведь навязались на мою голову!

– Почему она нас так ненавидит? – думала Тая, глотая слёзы, – а Валерка...

Тая познакомилась с Валеркой на новогодней дискотеке. Он пришёл к ним в общежитие с другими «домашними» ребятами и танцевал по очереди со всеми девчонками курса.

– Это Валерка, с геофака, местная знаменитость, – шепнула подруга, глядя на парня восторженными глазами.

– И чем же он прославился? – спросила Тая, на которую «знаменитость» не произвела особого впечатления: среднего роста, белобрысый, с рыжей бородой.

– Как чем? Он же альпинист, в прошлом году Белуху покорил! Один такой на весь институт!

О том, что рыжая борода ещё и щекотная, Тая узнала, когда Валерка пригласил её танцевать. И больше уже не отпускал от себя весь вечер, а на утро приволок огромный букет цветов и неожиданно спросил:

– Ну, что, девчонка, замуж за меня пойдёшь?

Анна невзлюбила невестку с первого взгляда.

На робкий вопрос, как её называть – мамой или Анной Васильевной – ответила резко:

– Какая я тебе мама? Небось, своя – есть. И навеличивать незачем. Зови просто Анна.

Рассматривая свадебные фотографии, ехидно комментировала, не стесняясь присутствия Таи:

– А зубки-то у неё – редковаты! Скажи, чтобы не смеялась. Не идёт ей!

– Не обращай внимания, – шептал на ухо Валерка, щекоча бородой, мамка у меня мировая! Знаешь, как она на мотоцикле гоняет! Настоящая байкерша!

Видела Тая эту «байкершу» в деле. Однажды, когда Валерка покорял очередную вершину, Тая решила съездить в деревню, навестить родителей. Анна вызвалась её подвезти. Вывела из гаража мотоцикл, усадила невестку в люльку, и... Закусив тонкие губы и нещадно газуя, лавировала среди автомобилей, дерзко подрезая и обгоняя всё, что заслоняло обзор

и мешало мчаться вперёд. Коляска подпрыгивала на всех кочках и ухабах, норовя отделиться от мотоцикла и дальше путешествовать самостоятельно. Тае было страшно. Она сидела, вцепившись за края люльки побелевшими пальцами и желая изо всех сил, чтобы сумасшедшая поездка быстрее закончилась.

Водители вслед вертели у виска пальцем, но Анна с презрением игнорировала их недовольствие. Грохот драндулета надёжно защищал женские уши от неуместных поминаний родителей. Анна лишь усмехалась, видя, как водилы, выскочив из машины, беззвучно открывают рты и трясут кулаками вдогонку.

У родительского дома Тая вылезла из люльки, держась за живот, в котором отчаянно толкался Сеня.

– Ненормальная! – сказала тогда мама. Но Тая не поняла, кого она имела в виду. Да и не до этого ей было.

Тая подозревала, что женитьбу сына Анна восприняла просто как посягательство на её жилплощадь. Что бы Тая ни делала, свекровь никогда не оставалась довольной, ни в чём не удавалось ей угодить. В лучшем случае обиженно поджимала тонкие губы, а в худшем... Об этом лучше не думать.

Тая разучилась улыбаться, поникла головой и жила в постоянном ожидании окрика. А муж... что, муж? Валерка не мог разорваться между женой и матерью! Старался побыстрее удрать из дому, как только мама начинала заводиться. Рюкзак и ледоруб всегда лежали наготове в прихожей.

Так и жили: Анна в одной комнате, Тая с Валеркой и детьми – в другой. Конечно, они встали на очередь и даже уже начали копить на кооператив, но всё это по разным причинам откладывалось на неопределённое будущее. Зарплата кормильца была не ахти. Да и отлучки в горы не оплачивались, всё чаще Валерка брал отпуск за свой счёт.

Однажды Анна решительно направилась в администрацию района.

– Очередь движется. Ваш сын уже триста сорок девятый...

– Ах вы сволочи! За три года с триста сорок первого аж на восемь пунктов продвинулся! Только в обратную сторону! Морды нажрали, сидят тут... – она пронзительно кричала на главу администрации, вкладывая в ругань природный пыл и накопленное годами отчаяние.

Когда посулила залить его бесстыжие зенки соляной кислотой, Анну бесцеремонно вытолкали из кабинета главы и пообещали, что теперь, после её выступления, сыну придётся ждать очереди на расширение значительно дольше. А саму Анну Васильевну ожидает психушка, если она не переменит своё поведение...

Жаркий петух с пёстрым хвостом добавил новых красок в жизнь семьи. Подобно солнцу птица исправно отсчитывала время, а попросту – хрипло горланила под утро, когда квартира погружалась в особенно сладкий, тягучий сироп сна. Петруша был бдительным и всевидящим. От его внимания не ускользала ни одна крошка, оброненная на пол, ни одна случайно залетевшая в форточку муха. Он точно знал, кто из обитателей квартиры – дома, а кого нет. Когда кто-то уходил – провожал каждого до двери, грустно свесив вбок гребень и укоризненно косясь желтым глазом. А когда домочадцы появлялись – смешно подпрыгивал, радостно хлопал крыльями и от избытка чувств делал короткие перелёты от шкафа до книжных полок и обратно.

Ближе к пенсии Анна для солидности поменяла мотоцикл на «Запорожец» цвета драконьей зелени с выпуклыми «ушами» по бокам. По знакомству приобрела водительские права

и упорно продолжала наводить ужас на водителей встречного транспорта. Тая после того случая ездить с Анной не решалась, да и свекровь больше не приглашала. Усаживала в салон таких же полоумных, как она сама, подружек и радовалась, что теперь может прокатить уже четыре свидетельницы её лихого торжества.

Но вскоре увеселительные поездки по какой-то причине прекратились, все чаще Анна оставалась дома, с возросшим пылом изводя Таю мелочными придирками и устраивая громкие скандалы из-за всякой ерунды. Внуки относились к бабушке насторожённо, опасаясь её беспричинных окриков.

Однажды Тая вернулась с работы и сразу отметила поджатые губки свекрови. «Опять чем-то недовольна», – устало подумала она. У Сени был виноватый вид. Но сын упорно молчал. А вскоре пришли соседи и заявили:

– Ваш мальчик разбил нам балконное окно!

У Сени был неудачный день, он удрал с уроков и пришел из школы пораньше. В доме было непривычно тихо. Заглянув в комнату, мальчишка увидел, как Анна, сидя в старом кресле, вязала что-то долгое и мирно беседовала с петухом. Сеня так удивился необычной картинке, что даже позабыл запихнуть свой портфель подальше под кровать. Бабушка что-то говорила петуху тихим голосом, а тот слушал внимательно, слегка наклонив померанцевую голову, важно покачивал гребешком и произносил ответные речи. Похоже, собеседники отлично понимали друг друга!

Сеня, не веря своим глазам и желая послушать разговор, просунул голову в дверь, но петух вдруг всполошился, подпрыгнул, замахал крыльями, обдав ветерком лицо и макушку, пролетел мимо и спикировал прямо на портфель со злополучным дневником.

– Что? Опять двоек нахватал? – сварливо спросила Анна.

– Да, нет, бабушка. С чего ты взяла?

– Будешь обманывать? И в кого ты такой врун уродился? В деда своего?! Тот тоже известный обманщик! – Анна рассердилась и даже начала снимать тапок, чтобы запустить в огорчившего её внука, но тут неожиданно заголосил во все горло петух.

– Петрушенька, Петя, что с тобой, голубчик? Почему ты поёшь в такое время? Ведь белый день на дворе!.. – всполошилась Анна.

Петух орал не своим голосом, словно внезапно сошёл с ума.

– Что делать? Что теперь делать? – повторяла Анна. Лицо её побледнело, приобретая цвет испуганной мыши; объятые страхом, подрагивали химические кудряшки.

– Бабушка! Что с тобой? Тебе плохо? – подбежал Сеня.

– Петух не ко времени запел. Видно, некошного рядом учуял. Дьявола во плоти!

– И что теперь делать?

– Надо выбросить в окно горящий уголь, – еле слышно прошептала Анна.

– Какой уголь? Откуда у нас уголь на пятом этаже? Да ещё горящий, – подозрительно глянул на бабушку ничего не понимающий Сеня.

– И правда, откуда у нас уголь... Ну, тогда... стрелять надо! Стреляй, Сенечка, стреляй, родной!

– В петуха, что ли? – засомневался внук.

– Ты что?.. – возмутилась Анна, – Из окна надо выстрелить. Надо, Сенечка, – умоляла бабушка, и этот просительный тон был так не привычен, что окончательно сбил мальчишку с толку.

Он метнулся в темнушку, схватил отцову пневматическую винтовку и подбежал к балкону. Бабушка уже протягивала коробочку с пульками.

Петух продолжал надрываться.

– Куда стрелять?

– Прямо и стреляй, – пробормотала Анна и принялась успокаивать разошедшуюся не на шутку птицу.

А прямо находился балкон соседнего дома. Сеня привычно прицелился и начал методично сбивать на нём бельевые прищепки. Одна за другой они срывались с проволоки и, кувыряясь в воздухе, ныряли цветными рыбками в зелёный омут газона.

Когда неожиданно дзинькнуло стекло на балконной двери, Сеня обернулся.

– Может, хватит?

Бабушка сидела в кресле в обнимку с пернатым другом, и – как показалось Сене – они оба злорадно улыбались!

После мужского разговора Валерка с сыном пошли покупать и вставлять потерпевшим стекло.

А Тая не могла поверить, что все эти странности происходят с ними на самом деле, и радовалась, что обошлось без милиции.

Второй раз в неурочное время петух заголосил поздно вечером, почти ночью, когда все улеглись, но уснуть ещё не успели.

– Что делать, бабушка? Стрелять? – с готовностью крикнул Сеня, подскочив с кровати.

– Что? Куда стрелять? – испугалась Тая.

– В окно. Петух некошного видит, – выдал сын.

– Кого видит?.. Да объясните толком, что здесь происходит! – подхватился Валера.

– Некошного, дьявола значит... —

– Стреляй, внучек, – разрешила Анна, появившись в дверях их комнаты. – Свят дух на земле, дьявол сквозь земли...

В длинной серой ночнушке, с дрожащими губами и прыгающими растрёпанными кудряшками, она и сама выглядела не краше чёрта.

– Дурдом! – взорвался Валера. – Чему ты ребёнку учишь? Иди спать, мама! А твоему Пете я сейчас башку сверну, если он не заглохнет! Мне на работу завтра!

Стрелять в тот вечер так и не стали, как и причинять вред нарушителю ночного спокойствия. А на другой день Таю встретила в подъезде соседка из квартиры под ними.

– Это у вас ночью петух кричал? Ох, не к добру...

– Это мы фильм по телевизору смотрели, – невнятно пробормотала Тая, спеша уйти от неприятной темы. Вся эта ситуация нервировала и раздражала её.

А через несколько дней петух снёс яйцо. Не простое и не золотое. Дрянненькое такое – маленькое и кособокое яйчко. А потом гордо выхаживал вокруг него, покачивая поредевшим от времени хвостом, тряся почти лысой головой с бледным морщинистым гребнем и победоносно поглядывал на домочадцев желтым глазом.

– Ух, ты! – с восторгом воскликнули Сеня и Ксения хором.

– Фу, какая мерзость! – брезгливо сморщилась Тая, беря салфетку и намереваясь выбросить яйцо в мусорное ведро.

Анна выхватила его из-под носа невестки и возбуждённо забегала по квартире, как бы примеряясь, куда можно пристроить трофей.

– Дурдом! – покачал головой Валера и подумал, что это слово он повторяет последнее время слишком часто.

– Баба Аня – колдунья? – задумчиво спросила Ксюша.

– Да нет, доченька, бабушка немного нездорова, – Тая подхватила ребёнка на руки и понесла в кроватку. «На всю голову нездорова! Чокнутая!» – добавила про себя.

– Сами вы чокнутые! – прошипела Анна. – Через полгода узнаете...

Анна умирала в одиночестве. Нет, она по-прежнему жила с ними. Накануне пожаловалась на сердце. Вызвали скорую. Врачи сделали какой-то укол, сказали, пусть бабушка поспит, отдохнёт. Когда врачи ушли, Анна неожиданно сказала:

– Когда я умру, зарубите петуха и приготовьте из него поминальный суп с лапшой.

– Ну что ты такое говоришь, мама? Рано ты помирать собралась! Врачи сказали: ничего страшного. Спи и ни о чём не беспокойся, – ответил Валера, покосившись на петуха.

Тот сидел, нахохлившись, на спинке старого кресла и выглядел очень несчастным.

– Не бойся, Петька, не будем мы тебя рубить – держи хвост пистолетом, – подмигнул ему Валерка.

– Вот никогда вы меня не слушаете! Зачем яйцо петушиное выбросили? Всего-то и нужно было пронести его под левой мышкой полгода, помочь высидеть... Просрали квартиру!

– Да какая связь между петухом – и квартирой?! – Валерка еле сдерживался, чтобы не закричать у постели больной.

– А такая!.. Да что с вами говорить! – отвернулась к стене Анна и вскоре уснула.

А потом все разошлись по своим делам: Валера и Тая – на работу, Ксюшка – в школу, Сеня – в институт. У Таи все мысли были о свекрови. Почему старушка так уверенно говорила о своей смерти! И ещё яйцо, которое снёс петух. Она так о нём сокрушалась... «Ох, не к добру это!» – повторяла Тая про себя слова соседки.

Раньше всех пришёл с работы Валера. И застал мать уже холодной. Скорая, милиция, представитель похоронного бюро... Тая сбилась с ног, устала, хотя – по существу – ничего и не делала. Заглянула соседка с нижнего этажа, суровым взглядом окинула комнату, покачала головой.

«Что-то опять не так?» – непонимающе взглянула на неё теперь уже единственная хозяйка квартиры.

– Зеркало почему не занавесили?

– Ах, да, – спохватилась Тая, – я сейчас!

– Поздно хватились, – осуждающе выговорила соседка.

Тая собиралась на работу. Подвела глаза, подкрасила губы, взялась за расчёску. Тут же вскрикнула от боли.

Старое трюмо, которое она любила за объёмное изображение в высоких створках, вело себя как-то не так. Хотя, кто знает, как должно вести себя зеркало?

Оно вдруг мутнело, наползая туманной дымкой на Таино лицо. Иногда сами собой складывались и захлопывались створки, не желая показывать причёску с другого ракурса. А иногда – вот как сейчас – будто кто-то невидимый дёргал за волосы.

Так и есть. Тая с досадой вытащила из расчёски каштановую прядку. «Ничего, всегда по осени выпадает волос больше, чем обычно. Надо репейное мало повтирать», – успокаивала, но не могла успокоить себя Тая. От зеркала исходила тревожная враждебность. В нём будто оживали и мешали жить непонятные страхи.

А потом у Таи начались проблемы со здоровьем. Она похудела, осунулась, потеряла аппетит.

Назначили УЗИ. Тая сидела в коридоре с полным мочевым пузырьём, как положено по методике исследований, и ждала своей очереди. Внезапно ощутила толчок. Левая рука упала с подоконника, скрепленные по четыре штуки пластиковые стулья заходили ходуном, и соседка справа будто начала заваливаться на неё. Сосредоточенная на том, чтобы не расплескаться раньше времени, Тая не понимала, что происходит. Подозрительно посмотрела на соседку. Тётка как тётка. Сидит вполне нормально. Морщится только. Наверное, тоже невтерпёж. Бабулька слева и вовсе задремала.

«Показалось», – подумала Тая и вскоре вошла в кабинет. Там долго водили прохладным предметом по скользкому животу, потом, когда терпеть стало совсем невозможно, наконец, разрешили помочиться и велели снова зайти для проведения трансвагинального обследования.

Тая лежала на кушетке с датчиком, пунцовая от чувства неловкости. Процедура вызвала странные ощущения. Врачи пошли пошептаться за ширму. В это время в кабинет заскочила румяная толстушка в белом халате и радостно сообщила коллегам:

– Вы чего тут сидите?! Землетрясение же! Главврач велел всем эвакуироваться!

Те быстро подхватили сумки и бросились бегом из кабинета.

Потолок пошатнулся. Запульсировал внутри, напоминая о себе, датчик. «Вот оно, началось! Сбываются предсказания...», – подумала Тая.

– А как же я? – спросила она в пустоту.

– Ой! – уже в дверях всплеснула руками докторша, – пациентку забыли!

Соседи сидели у подъезда на вынесенных из квартир табуретках.

– Не ходи! Может рухнуть, – предупредила тетя Тоня из тридцать девятой, – дом-то старый!

– Это ваш петух во всём виноват! – вклинилась в разговор соседка из квартиры под ними, – опять ночью орал. Только не говорите, милочка, что снова кино смотрели. По телевизору певчих птиц не показывали. Это ваш петух землетрясение накликать!

Тая поднялась на этаж, вошла в квартиру.

Вспомнила, что ела только утром. Может, перекусить? Ничего же не происходит. Документы собрать и вещи какие-нибудь надо взять: вдруг пойдёт дождь. Прошла в спальню и остановилась перед зеркалом. Влажная испарина на стекле рассеялась, и отчётливо проступил силуэт свекрови. Тая отпрянула.

– Ты? Но как же?.. Мы же похоронили... и батюшка отпевал...

Анна молчала и пристально смотрела из зазеркалья.

Тая сильно испугалась. Ни рукой, ни ногой пошевелить – остолбенела перед старым трюмо. Свекровь часто говорила, что если они сведут её в гроб, она одна не уйдёт. И за собой утащит...

– Да мы же не хотели... Ты ведь сама...

Тае показалось, что Анна злорадно усмехается.

«И волю её не исполнили – не стали петуха рубить. У кого рука поднимется? Да и какой суп – из старичка? Поминки в кафе сделали... Вот и болезнь прицепилась...», – Таю обожгло страшной догадкой. Наверное, свекровь и правда, пришла за ней, как обещала.

– Я умру? – прошептала белыми губами.

Анна не ответила. Зеркало затуманилось, порылось изморосью. Тая долго не могла прийти в себя. Тёрла его тряпочкой, тёрла.

Потом, будто о чем-то вспомнив, полезла в угол между шкафом и батареей. Вытащила оттуда небольшую картонную коробку и начала развязывать ленточку.

Но тут закачалась форточка, зазвенели подвески на люстре, перекликаясь с хрустальными фужерами в серванте. «Землетрясение! Вторая волна! Скорее! Бежать отсюда!» – опом-

нилась Тая, сунула коробку под батарею и, подхватив дремавшего на подлокотнике кресла петуха, выскочила на улицу.

Соседи во дворе поглядывали на дом и спорили: упадет – не упадет. И расселят ли их после этого в новые сейсмоустойчивые дома.

Вскоре объявили отбой и разрешили вернуться в квартиры. И хотя по стене дома поползла трещина, приехавшая комиссия определила, что дом ещё крепкий, фундамент надежный. Трещину замазали, наложили специальные маячки и пообещали понаблюдать, не станет ли она расходиться. И тогда, может быть...

Тае было нехорошо.

На работе всё валилось из рук. Кое-как отработала, пришла домой, долго стояла, не решаясь открыть двери квартиры.

Вечером поделилась своими страхами с мужем. Валерка ласково прижал к себе:

– Ну, что ты, дуручка? Предрассудки всё это. И глупости. А болезнь – лечить надо. Что врачи говорят?

– Врачи говорят, нужна операция.

– Ну, вот и ложись! Всё будет хорошо. Я же люблю тебя!

– Да, а как же зеркало? – всхлипывала Тая.

– А что зеркало? Ну-ка, пойдём, посмотрим. Нет там никого. Только ты и я.

– Ты что, не видишь?

– Не вижу. А ты? Скажи, что видишь ты? – подозрительно взглянул на жену Валера.

А Тая видела в зеркале её, Анну.

Старуха улыбалась тонкими губами. Тая съёжилась от ужаса и теснее прижалась к мужу.

– Пообещай, если я умру...

– Ещё одна пророчица! Только не говори мне про петуха, – отодвинулся от неё Валерка.

Операция прошла успешно. Опухоль оказалась доброкачественной. Тая быстро шла на поправку. Вскоре её выписали.

А дома новости: семнадцатилетняя Ксюшка привела домой одноклассника Павлика.

– Это мой муж, мам. Мы ждём ребёнка.

Квартирный вопрос продолжал оставаться острым.

Оставшись дома одна, Тая просунула руку под батарею. Коробочка была на месте.

Включила компьютер, набрала в поисковике: «Петух» и страшно удивилась обилию обрушившейся на неё информации. Оказывается, Петух является проводником солнца... причастен и к царству жизни, света, и – одновременно, к царству смерти, тьмы...

«Всем славянам известно поверье о неурочном пении петуха. Они поют, когда кто-то родился или умер, предсказывают смерть слышащему. Дабы уберечься от зла, заслышав ночной крик петуха, полагалось выбросить из окна горящий уголь или выстрелить из окна, – с изумлением читала Тая и постепенно в её голове складывались кусочки мозаики. – Петуха нельзя долго держать в хозяйстве. Старый петух может навлечь на хозяина смерть... в старину рассказывали, что семигодовой петух снесёт маленькое яйцо, из которого вылупится змей или другое дьявольское существо. Три года оно исполняет все желания хозяина, но потом забирает его душу...»

– О, боже! А нашему Петьке сколько? – лихорадочно принялась вспоминать Тая. – Ксюшке было два года, когда странный Петрушка на ярмарке вручил его Валерке! Уже два срока пережил! А ведь Анна говорила... Только никто её не слушал... Что теперь будет?

Тая с опаской взглянула на петуха. Когда пришел домой Валера, попросила его зарубить его или... унести куда-нибудь, от греха подальше.

Муж засмеялся:

– Да ты что, спятила? Домашнего любимца!.. Посмотри на него – разве у тебя рука поднимется? Скажи лучше, что у нас сегодня на ужин?

Вскоре Анна снова возникла в зеркале. И будто бы хотела привлечь внимание. Даже за волосы дёрнула, как тогда. Но не больно, а как-то весело, что ли.

– Что опять такое? – испугалась Тая.

Анна пристально смотрела из зазеркалья.

– Пора!

Тая медленно распустила волосы, спустила с плеч платье. Переступив через него, начала разматывать бинт. Отклеила пластырь под мышкой и осторожно вытащила на свет маленькое кособокое яичко. Положила его на трюмо между собой и силуэтом свекрови. Стала ждать, затаив дыхание. От жуткого предвкушения шевелились на голове волосы, длинные пряди щекотали спину и грудь, пробуждая мерзких ледяных мурашек, которые медленно заползали по голому телу.

Но с яйцом пока ничего не происходило. Тая взглянула на старуху – та приложила палец к губам, и вдруг серая, с жемчужным отливом, скорлупа лопнула. С пронзительным писком выскочило из неё странное, мерзкое и жалкое одновременно, существо. Оно вытягивало шею, смахивающую на змеиную, и влажные зеленоватые чешуйки на теле расправлялись, становились похожими на пёрышки. Крошечная тварь кивала головой с миниатюрным померанцевым гребешком и, неуверенно покачиваясь на тоненьких курьих ножках, двинулось в сторону зеркала. Наткнулось на пристальный взгляд старухи и повернуло обратно – к Тае. И она приняла его в распахнутые холодные ладони. Тут же вздрогнула от боли: старый петух больно клевал её лодыжку.

Тая отпихнула ногой обидчика, бережно опустила новорождённого в коробку, а потом решительно повернулась. Схватила престарелого вояку за корявую лапу и подняла на уровень груди. Морщинистый гребень петуха налился кровью. Посланец солнца извивался, вертел головой, щипал за руки, норовил клюнуть Таю в лицо, но она отодвинула его от себя на расстояние вытянутой руки, все ещё не отпуская. Взглянула в помутневшее стекло, как бы ища совета. Анны в зеркале уже не было. Только она, голая, и старый взбесившийся петух.

Тая схватила одной рукой петушью голову и с силой дёрнула. Хриплый клёкот толчками выталкивал из разорванного горла чёрную кровь.

Ночью Тая выскользнула на улицу. Зарыв труп петуха во дворе под раскидистой липой, от ветвей которой шевелились на стене тени, подошла к дому. При тусклом свете фонаря трещина казалась зловещей. Тая смотрела на неё, и под её взглядом трещина зазмеилась дальше, выше, к верхним этажам, разрастаясь в дерево с причудливой кроной. Один за другим лопались стягивающие края маячки. Покачнулось, готовое упасть небо.

– Стоп! – крикнула Тая, – там же мои! Спят... – она смотрела на трещину, мысленно приказывая ей не ползти, не шириться, остановиться. С изумленным удовлетворением увидела, как та прекратила страшный бег, замерла.

Дома почувствовала себя непривычно легко. Хотелось танцевать и петь. Но ведь ночь на дворе! Домашние мирно спят: из обеих комнат слышалось уютное посапывание. Да и ей уже пора ложиться. Мельком взглянула в зеркало.

Её лицо неувовимо изменилось. Волосы растрепались, выбилась из пучка каштановая прядка. Горящий и независимый взгляд, пылающие румянцем щёки.

– А что? Ты мне нравишься, – сказала она отражению.

– И мне ты такая нравишься больше, – обнял щекотно сзади Валерка, – пойдём в кровать, милая...

Вскоре вышло распоряжение губернатора: всем, пострадавшим от землетрясения разрешить улучшение жилищных условий – без процентов и первого взноса. Их дом, по которому ползла и расширялась трещина, сломавшая маячки, тоже попал под губернаторскую программу.

В новую квартиру пустили впереди себя новоиспечённого петуха – того, из яйца. Помедлив на пороге, «исполнитель желаний» шагнул несмело бочком, а потом шустро забегал кругами, зацокал коготками по линолеуму, осваивая пространство.

Старое зеркало тоже забрали с собой: Тая любила его за объёмное изображение в высоких створках. И однажды она снова увидела в нём Анну.

– Ты ведьма? – спросила напрямик у отражения, но ответа не последовало.

– Но ведь ты была... необычная. Этот твой мотоцикл, петух...

И Анна из зазеркалья поведала невестке свою историю.

Муж бросил её, когда Валерке едва исполнилось десять. Мало того, что ушёл к молодой, так ещё сына забрал, а потом и дом отсудил. Купил Валерке игрушечный пистолет и подговорил мальчишку свидетельствовать против мамочки на суде. Что Анна могла противопоставить почти настоящему оружию? Кулек подушечек – рубль и две копейки за килограмм?..

Валерка остался с отцом и мачехой, а Анна – с навсегда раненым сердцем и немного тронутой головой – так считали люди. Нет, со стороны это было почти незаметно. Подумаешь – разбила им окна и вымазала кузбаслаком двери. Всё ведь выплатила потом по суду – до копеечки!

Одинокая баба вкалывала, как сумасшедшая, чтобы заработать себе квартиру и доказать... Что доказать, Анна не знала, но иногда её ненависть к обидчику, а заодно и ко всему мужскому полу проявлялась в весьма эксцентричных поступках.

Скопив денег, она купила мотоцикл.

С ветерком прокатившись несколько раз под окнами изменщика и его жены с целой кучей новых ребятишек, Анна чувствовала себя если не отомщённой, то вполне удовлетворённой и независимой. По крайней мере, в эти «посещения» ей удавалось увидеть и своего прильнувшего к забору сыночка, отметить, как быстро он растёт...

Получив от завода двушку в пятиэтажной хрущевке, она переманила к себе сына – купила ему пневматическую винтовку – и немного успокоилась. Да и как было не успокоиться? Бывший продал дом и переехал со своим семейством в другой город, не сообщив адреса.

Когда сын отслужил армию и привел в дом девушку – полную противоположность матери – душа Анны вновь оказалась в смятении. Ей показалось, что у неё снова хотят отобрать то, что принадлежит только ей...

– Господи, мама! – на глазах Таи навернулись слёзы. – Ну почему мы ни разу не поговорили с тобой? Жили в одной квартире, словно чужие! Я думала, что ты злая...

– Нельзя прикипеть к добру или злу и застыть...

– Не понимаю...

– Мир – зеркальная гладь. Не потому, что все ясно и гладко, а потому, что невозможно за что-либо уцепиться, – повторила Анна.

– Я думала, что ты хочешь меня убить: землетрясение, операция. А потом нам неожиданно дали новую квартиру! Это всё ты наколдовала?

Анна отрицательно покачала головой.

– Не ты? Но кто же тогда?.. Ведь не это же чучело, в самом-то деле! – кивнула на кособокого уродца с померанцевым гребешком, вытягивающего, как бы с любопытством прислушиваясь, змеиную шею.

Но силуэт свекрови начал таять, пока не превратился в крошечное пятнышко испарины, как от горячего дыхания – в верхнем углу. А в зеркале осталось естественное отражение – только одной, стоящей перед ним женщины.

– Ты хочешь сказать. Что это всё – я? Ведьма, колдунья – я? – ошеломлённо закричала Тая.

– И ты знаешь это: вспомни про трещину. Ты ей управляла. А мне никогда такое не удавалось... Ты сильная! У тебя длинные волосы...

– При чём здесь мои волосы? И что мне теперь делать – с этой моей силой?

– Держи небо, дочка, не позволяй ронять его на землю, – непонятно сказала Анна и исчезла.

2013 год

Солнце нового дня

Коричневые с извилистыми верёвочками вен руки ловко управлялись со спицами, разноцветные клубки разматывались и худели прямо на глазах. Баба Катя вязала мне юбку.

Я сидела рядом, мучилась, неуклюже протягивая петли, и удивлялась: бабушкино вязанье росло так быстро, а у меня уже одиннадцать рядов, но связанный лоскуток меньше ладошки. Почему мои пальчики не такие ловкие, как у бабушки?

Баба Катя отложила работу, достала из помятой пачки папироску, зачем-то покрутила её пальцами и закурила. Щурясь от едкого дыма, посмотрела на мои руки:

– Ну, куда ты спешишь? Вон петелька побежала – не догонишь, придётся распускать, а то дырка будет!

– Да это же для куклы, – противилась я, – ей и так сойдёт!

– Нет, душ, привыкай всё делать тщательно и красиво. Учись – не ленись!

Бабушка почти всех называла душеньками, но теперь, видимо из-за моей малолетней неумелости, сократила обращение до короткого «душ».

– Вырастешь – будешь одеваться, как королева. И дочку наряжать, как куколку!

– А может, у меня не будет никакой дочки, – вредничала я, не желая распускать да пере-вязывать.

– Как же без дочки? Обязательно будет дочка, душ! И внучка тоже, – сказала бабушка как о чём-то само собой разумеющемся.

– Откуда ты знаешь?

– Поживёшь с моё – станешь бабушкой. И сама будешь всё знать! – улыбнулась баба Катя, и темноватая кожа смялась морщинками вокруг добрых глаз.

В восемь лет трудно поверить, что станешь старой. Я с опаской глянула в зеркало: а вдруг вместо меня там – старушка с папироской? Из-за того, что баба Катя курила, в моём представлении любая бабушка обязательно должна быть с беломориной. Да нет, какая там старушка! В зеркале – та же, что вчера и позавчера – девчонка с косичкой и косоватой самостриженной чёлкой! Глаза, правда, как у бабы Кати – карие. Так это ж наследственное...

– Ну, вот и готова юбочка! Примерь-ка!

Я вертелась перед зеркалом и ужасно нравилась себе.

– Бабуля! Ты мировая! Ни у кого такой юбки нет!

– Вот! А представь себе, душ, если бы я петлю пропустила – была бы дырка. А я бы сказала: и так сойдёт!

– Ну, бабушка! – кидалась я ей на шею и целовала в мягкую щёку.

Куриль папиросы, как и многому другому, бабушку научила жизнь. Когда пришло известие, что на Курской дуге муж Иван погиб смертью храбрых, у неё на руках остались четверо: два сына и две дочки. И всех бабушка вырастила, вывела в люди.

Бабушка умела делать всё: шила крепдешиновые платья деревенским модницам, пряла из пушистой кудели пряжу и вязала носки и варежки, ткала длинные полосатые дорожки. А ещё она могла ошкурить бревно, ловко орудуя топором, и запросто отремонтировать покосившийся забор. А однажды даже переложила задымившую вдруг печку.

– Не боги горшки обжигают, – задумчиво говорила баба Катя, по-мужски раскуривая папироску, а после смело бралась за всякую незнакомую, даже и мужицкую работу, сделать которую было больше некому.

Дневной запас летнего зноя к вечеру долгожданно заканчивался. Подгоняемое осмелевшим ветерком солнце готовилось тяжело плюхнуться в воду уходящей за горизонт Томи. Деревенские ребята, лишь недавно вылезшие из речки, наскоро поливали огурцы и бежали

встречать из стада коров. Я, хоть и городская – приехала к бабушке на каникулы – тоже приходила с хлебной горбушкой за Красулей и провожала во двор. Пока бабушка доила – отгоняла жгучих мух, от которых корова за день уже остервенилась, мотала рогами, хлестала хвостом и норовила пнуть подойник. Я махала полотенцем, а мыслями была уже на поляне. О, как любили мы эти вечера!

Но баба Катя, ласково разговаривая с коровой, долго возилась в сарае, потом несла подойник домой – цедить.

– Никуда твои ребята не денутся, – ворчала она, не отпуская меня, пока не выпью кружку парного молока.

Когда я вышла, вихлясто демонстрируя вязаную радугу новой юбки, наши играли на поляне в третий-лишний. Немного постояла в сторонке, давая возможность оценить обновку и высматривая, куда мне встать, потом ринулась в круг. Ребята носились как угорелые, с визгом уворачивались от ремня в руках водящего, который старался побольнее жогнуть раззяву или не слишком ловкого бегуна.

– Танька! Беги! – услышала я и рванула по кругу.

Оглянулась. Серёжка Килин с жуткой ухмылкой щёлкал ремнём, совсем как пастух в деревенском стаде – кнутом.

Я прибавила ходу, но вместо того, чтобы встать к кому-нибудь третьей, почему-то выскочила из круга и помчалась по улице.

– Танька! Танька! – скандировали те, кто был «за меня». Пацаны болели за Серёжку:

– Давай, Килька! Лови городскую! Держи её!

Я неслась сломя голову, с ужасом ожидая, что вот-вот полоснёт ремень по голым ногам. И даже не заметила, как Килька вернулся в круг, решив, что несолидно пятикласснику гнать по всей улице городскую малявку. Я продолжала улепётывать, слыша звуки погони. Сменив Кильку, бежал теперь за мной ничейный уличный пёс. Вообще-то Прибой был не злой, но, унаследовав от неизвестных предков страсть догонять движущиеся предметы, он не мог упустить такую лёгкую добычу, как ошалелая от паники девчонка.

Горячее хриплое дыхание за спиной, и тут же меня схватили за подол. Не задумываясь, перепрыгнула, как через скакалку, и полетела дальше. Взрыв хохота заставил оглянуться. Килька и ребята ржали на поляне, показывая на меня пальцами. Зато рядом, в моей новой юбке, озадаченно вертелся вокруг самого себя Прибой. Лохматая башка и передние лапы прыснули в неё, а туловище крепко охватила резинка. Юбка сидела на собаке как влитая, только сзади топорщилась над хвостом. Ребята повалились на траву от хохота, а я со слезами убежала в дом.

Юбку потом принёс Килька и отдал бабушке.

– Вот держите, эта юбка вашу внучку спасла! Если б не она, Прибой Таньку как курицу бы порвал! – услышала я из угла, куда забились плакать.

В шестом классе я, как большая, строчила на машинке своё первое платье, бабушка и тут вставила словечко:

– Не торопись, душ. Когда наденешь – никто не узнает, сколько времени ты его шила – два часа или неделю, зато все будут видеть, хорошо ли сидит, аккуратные ли шовчики.

– Да они же с изнанки! Кто их увидит? – сердилась я, потому что мне не терпелось выйти на улицу и показать обновку подружкам.

Когда у меня родилась дочка, бабушка уже не вставала с постели, и вскоре её не стало. Но каждый раз, когда шила дочке наряды, пуская в дело любой клочок ткани или моток ниток, я вспоминала её с благодарностью.

– Мама! Меня Андрей в театр пригласил! А мне надеть совсем нечего! – прижалась ко мне Настя.

– Надень то, что я шила тебе на выпускной, – слабым после больницы голосом сказала я.

– Ну, мам, кто же в выпускном в театр ходит? – канючила дочь, и я принялась за кройку.

Режу ткань острыми ножницами, а самой дурно. Всего три недели назад мне вот так же разрежали живот, удаляя невесть откуда взявшуюся опухоль, слава Богу, доброкачественную.

Хирург, усатая немолодая грузинка, покрикивала на меня во время операции:

– Нэ шевэли кишками, жэнщина!

Потом, из лучших побуждений, чтобы шовчик был тоненький и красивый, зашила его нитками естественного происхождения, кажется, из бараньих жилкок. Я хоть и Овен по гороскопу, но бараньи жилки почему-то во мне не приживались, шло отторжение, шов никак не хотел срастаться. Я чувствовала слабость и панику. Меня так и выписали, с дыркой в животе, справедливо решив, что дома она зарастёт скорее.

Руки подрагивали от слабости, и строчки на платье выходили неровные, кривоватые.

«Носи платье – не скидывай, терпи горе – не сказывай!» – вспомнила я одну из бабушкиных поговорок. Строчила и строчила, по нескольку раз пробегая на машинке одно и то же место. Старалась все швы зашить покрепче.

Протянула дочке платье, а самой неловко за неаккуратные строчки.

– Да, ладно, мам, они же с изнанки! Кто их увидит!

Я выздоровела и сшила Насте ещё несколько новых платьев. Но, отправляясь в универ на очередной экзамен, дочь всегда надевала то, с неровными строчками, говоря, что оно приносит удачу.

Я стою перед зеркалом. Вот так, незаметно, стала бабушкой. Глаза всё те же – карие. Та же косоватая чёлка – люблю подравнивать сама! Но уже слегка помялась морщинками кожа, провисла под подбородком. С возрастом становлюсь всё больше похожа на бабу Катю. Только без папироски во рту. Курить я так и не научилась. Да и ладно, ни к чему мне. И внучки у меня пока нет. Зато есть два внука. Старшему уже восемь лет. После летних каникул собирается на занятия по каратэ.

– Баба Таня, а где моё кимоно?

– Да вот же оно.

– Нет, это магазинное, а мне надо то, которое ты мне шила.

– Да оно уже короткое стало, ты же за лето сильно вырос.

– То кимоно счастливое, в нём я всегда побеждаю. И жёлтый пояс получил. Теперь, сказал Учитель, для меня начнёт сиять свет, солнце нового дня...

– Да, мой ты золотой! Этот свет теперь каждый день будет сиять для тебя.

– Ну, ладно, тогда я счастливое кимоно Ване отдам!

– И мне будет сиять? – спросил младший.

– Обязательно!

2012 год

Чёртова кукла

В одной семье было шесть дочерей. Жена устала от родов, ей отдохнуть бы с годик да сыночка и родить. Но их, мужиков, известное дело – кобелиное! Не давал муж покоя несчастной, поспешал в надежде, что следующий – точно пацан будет. Вот и родилась у них седьмая дочка. С такого расстройтва великого пошёл муж горькую пить. Ребёнка крестить надо, а он с утра зенки зальёт, так пьяный в сарае до ночи и валяется, некому за попом ехать. А женщина ослабла, на постели в жару мечется, и молоко у неё не прибывает никак. Старшие пигалицы, мал-мала меньше, всё поели, что дома сварено было, и опять кушать просят. Младенчик некрещённый громче всех плачет, голодный.

– Сходи, Маша, в сарай, пуцай батька корову подоит, молока принесёт, – сказала мать старшенькой.

Та и пошла. Коровушка в стойле недоенная, мычит родимая. Стала Маша батьку звать.

– Ребёночку молока надо, пошли, папка, корову доить!

А батька лыка не вяжет. Снопом перевязанным валяется.

– Пуцай, – говорит, – черти её заберут, девку-то. Мне сына надо! – и опять в сено рылом гвазднулся.

А дело к ночи было. Год тих, да час лих. Чёрт и услышал, как папаша в лихой час выругался.

Маша коровушку кое-как подоила ручками неумелыми, принесла молока сестрицам. Глядь, а малой-то и след простыл. Как сквозь землю провалилась! Поискали, погоревали, да делать нечего. Стали дальше жить, мальчика ждать.

Чёрт, укравши девочку некрещёную, наигрался ею как куклою, натетёшкался и отдал русалкам на воспитание. Русалки, тайные люди, и девочку воспитали тайным человеком. Бродила она по белому свету, отыскивала сама себе пропитание. Пила молоко, оставленное неблагословенным, снимала с кринок сметану.

Когда выросла, красавицей стала. Жила с другими русалками в омуте, под каменными россыпями тасхылов. А после Троицы выбиралась с подружками в лес, переселялась на ивы да берёзки плакучие. На Духов день гулянья у них, песни во всю ивановскую, да лихие качели на ветках. Придет человек в лес – заиграют, зашекочут до смерти. Ни одна девушка не осмеливалась одна, без товарок в лес пойти на русальной неделе. А парням что? Им храбрость свою испытать охота.

Жил в соседней деревне Яков. Поспорил с дружками, что не побоится ночью один в лес пойти. Ну и пришёл. Русалки с веток спустились, косы лохматые растрепали и со всех сторон стали обступать парня. Хохотали, кричали непотребное, руки холодные тянули, схватить норовили Якова, зашекотать парня до икоты смертельной.

Уворачивался от рук русалочьих, ужом извивался, а убежать не мог Яков: ноги будто вросли в землю-то. Ну, думает, смерть пришла. А потом смекнул, как уберечься от девок тайных. Обвёл круг на земле крестиком нательным, а внутри крест начертал да и встал на него.

Русалки и отступили. Только одна не отстала, просунула руку шаловливую и хохотала бесовски. Ну, Яков и схватил за руку-то, втянул в круг да на шею ей крестик свой и набросил. Покорилась она ему сразу. Видать тосковала по людскому-то.

Привёл Яков русалку домой. Мать в слёзы:

– Нешто возможно жить с чёртовой куклою? Ой, погубит она тебя, Яшенька!

Не послушал Яков мамашу, шибко полюбил русалку.

Стал звать-величать жену Варварушкой за иноземное происхождение и красоту неземную. Целый год жили душа в душу. Исполняла Варварушка все женские работы, прясть да

ткать обучилась и свекрови своей не перечила. Жить бы да жить. Яков уж про ребёночка говаривать начал. А Варварушка смеялась да отнекивалась.

– Потерпи, – говорит, – Яшенька, три года всего. Там и ребёночков тебе нарожаю!

А почему отсрочка такая, не сказывала. Яков наш и закручинился. Стал приглядываться к жене: что скрывает-то? Одно слово: тайный человек! Зашевелилися в нём подозрения.

В аккурат через год убежала Варварушка в лес опять. Яков кинулся было догонять, да мать-то и говорит ему:

– Пушай её, не ходи за ней. Всё одно толку с чёртовой куклы не будет! Я тебе другую невесту сосватаю!

Послушался Яков матери, не пошёл за Варварушкой. Через неделю она сама заявила. Весёлая да румяная. На расспросы Якова только смеялась.

– погоди, – говорит, – Яшенька, два годика осталось всего. Вытерпишь – навек твоя буду!

Смолчал Яков, недоверие в карман поглубже запрятал. Опять Варварушку баловать-миловать.

А свекровь всё нашёптывает:

– Ох! Не будет тебе, Яша, счастья с чёртовой куклой!

Слухи по деревне поползли. Дескать, не может Яков жену в руках держать, бегают она каждое лето от него куда-то. Да мамаша родная все уши пропела.

Так трещина между ними и раскололась. Яков попивать начал да Варварушку поколачивать. А она смеётся только:

– Потерпи, Яшенька! Годок один остался. Заживём потом лучше прежнего!

А у Якова терпенье-то всё уж кончилось. Да и водка душу ему, будто камень какой, источила, изъела. Злой стал, неразговорчивый, чуть что не по ём – враз зуботычину Варварушке. И она уж не такая красавица стала, как была. Плакала много, да синяки платочком прикрывала. А пожалиться некому. Сиротинка, без роду и племени.

На следующую русалью неделю не пустил Яков Варварушку. В сараюшке запер, вожжами привязал. Билась сердешная, вожжи в тело белое впились.

– Отпусти ты меня, Яшенька! Совсем скоро всё переменится!

Заревел Яков по-звериному, зенки хмельные красные выкатил и давай Варварушку бить-колотить, похабно сильничать. Отвалился потом как пиявица сытая, захрапел, а Варварушка отвязаться сумела да в лес уползла, чуть живёхонька.

Очнулся Яков, а Варварушки уж и след простыл. Один крестик только на полу и валяется, в соломе поблескивает.

Лето прошло, хмурень* позимником** сменился. От Варварушки ни слуху, ни духу. Якову снова худо. Тоскует по русалке своей. Тоску водкой горькою заливает.

А мамаша шепчет:

– Сходил бы, Яшенька, на посиделки, там вся молодежь собралась. Пришёл Покрова, девки ревут, как коровы. Авось выберешь себе жену-то. Любая за тебя пойдёт, не сумлевайся!

Да ведь это в старые времена девушки на Покров собирались пряжу прясть, о женихах мечтать. А нонеча они без бутылки да курева и посиделок не знают. А где водка поганая, там и срам непотребный. Каждый вечер у них пляски бесовские. А в ночь, как листоною*** прийти, вон чего удумали. Дыр в тыквах понарезали, свечек в их навтыкали да в лес подалися. Праздник Хеловин праздновать. Возомнили себя кельтами аглицкими да хранцузами куртуазными.

Развели костёр, выпили опять же. А как изловчиться, чтобы нечисть увидеть? Яков-то наш храбрый да сметливый был. Передел одёжу шиворот-навыворот да и пошёл задом наперёд. И потянуло его к реке напрямиком. На камень ступил, так и покатился да в омут булькнул. А там ждали его. Год тих, да час лих.

Старухи-шутихи, мохом проросшие, и молодые волосатихи потянулись к Якову пальцами холодными, жгут глазами острыми. А с ними Варварушка, жена ненаглядная. Только сама на себя непохожая. Такая же ледяная, с глазами рыбьими. Руками скользкими тянут, рвут когтями друг у дружки, растаскивают на части. Губами шевелят, словно рыбицы, токмо в воде и не слышать ничего.

– Сгубила-таки Якова чёртова кукла! – говаривали.

Весною всплыл труп посинелый, изглоданный пиявицами речными. А потерпел бы три года, и отдали бы тайные люди Якову жену насовсем.

Да что там Хеловин, жисть-то, она пострашнее бывает!

* – сентябрь.

** – октябрь.

*** – ноябрь.

2011 год

Младенцы спали без улыбок

«Это далеко не первый в России пожар в доме престарелых с большим количеством жертв...

Ликвидация огня продолжается силами пожарных расчётов.

Пока нет точных данных о количестве спасённых и пострадавших...»

(Из криминальной хроники города Энска)

Над тайгой стоял протяжный гул. Одна от другой вспыхивали, словно свечки, сосны, устремляли воздетые в мольбе ветви к чёрному небу и с треском рушились на землю. Огонь пожирал деревья, облизывал жадными языками скамейки и гипсовые скульптуры, бушевал в помещениях. В оконных проёмах метались неясные тени, но крепкие решётки и запертые двери не выпустили никого из обитателей странного дома.

Осмотр места происшествия начался сразу, как был потушен пожар. Здания и постройки сгорели подчистую. Пахло гарью. Перед руинами застыли закопченные пионеры с пустыми глазницами да зевал посыпанный пеплом каменный крокодил у фонтана. Ржавые трубы косо торчали над забитой сажей и грязью чашей.

Обугленные кости сложили в несколько мешков и отправили на экспертизу. Останки принадлежали людям довольно преклонного возраста. Определить, кому именно, – не представлялось возможным, так как ни списков обитателей, ни медицинских карточек не сохранилось.

А самое странное – почему журналисты решили, что сгорел дом престарелых? Ни одного дома престарелых ни в каких документах города Энска и прилежащих к нему окрестностях вообще не значилось. Здания бывшего пионерского лагеря «Уголёк» во время перестройки были переданы на баланс здравоохранению под лесную школу. А вскоре после её расформирования – ввиду нецелесообразности – их и вовсе списали. Дачники и жители ближайшей деревни уже лет десять потихоньку растаскивали бесхозные стройматериалы для собственных нужд, и ни о какой «богадельне» слухом не слыхивали.

Словом, после небольшого скандала в администрации сочли, что в заброшенном лагере поселились бомжи или беженцы – что практически одно и то же, которые сами себя и спалили. Опровержение в газету давать не стали. Само рассосётся-позабудется, – справедливо решили в верхах. И в самом деле – каждый день что-то горит, либо кого-то затопляет. Привыкли люди к разгулам стихии. А начнёшь в прессе объяснять, что и дома-то такого в области не было, – себе дороже будет. Тут скандальчиком с журналистами не отделаешься.

Матвей Кузнецов, шустрый домовитый дедок, бродил по пожарищу и шевелил палкой золу в поисках чего-нибудь подходящего. Вообще-то Матвею нужны были трубы: стар стал ведра по огороду таскать, а шлангов не напасёшься. Один сезон только дюжат, а стоят сколько – никакой пенсии не хватит, если покупать. Но если попадалось что-нибудь ещё, что могло сгодиться в хозяйстве, – скажем, старый утюг или кружка с чуть сколотой эмалью, старик такими находками не брезговал и деловито складывал их в старый брезентовый рюкзак.

Наполнив его полностью дребезжащей всячиной, Матвей, принялся дёргать и расшатывать тонкие трубы у фонтана. Задел ногой каменного крокодила и взвыл от боли.

– Ах, ты – кусаться, тварь проклятая! – замахнулся ржавой трубой на образчик парковой скульптуры.

Крокодил клацнул зубищами и испуганно отодвинулся, отполз, значит. По крайней мере, так потом рассказывал Матвей своей старухе. А под ним оказался перевязанный резинкой полиэтиленовый пакет. Дед бросил находку в рюкзак, подхватил несколько труб и рысцой побежал домой. Там он перво-наперво стал прилаживать трубы: соединять их обрезками вело-

сипедной шины, прикручивая проволокой, и протягивать по огороду, потом демонстрировал водопровод бабке и набежавшим соседям.

О таинственном пакете вспомнил не скоро. А когда вспомнил, развернул и – разочарованно чертыхнулся: в пакете оказалась старая тетрадка, исписанная от одной коленкоровой корки до другой – крупным, будто бы детским, почерком.

– Ладно, опосля разберёмся! – пробормотал дед Матвей, сунул книжку с тетрадкой обратно в пакет, отложил его в сторону и занялся более важным делом.

Он неторопливо извлекал из рюкзака трофеи, любовно оглаживал их, кумекал, как починить, если требовалось, и мысленно представлял, куда приспособит ту или иную вещь.

Откружилось пёстрой юбкой лето. Было у старухи в молодости такое платье: на зелёном крепдешиновом поле – голубые васильки и алые маки. Ох, и любила танцевать Вера! Кружилась в танце, а юбка порхала и бесстыдно обнимала ноги.

Промчалась каруселью ярмарка-осень. Достала из сундуков и расстелила белые перины зима.

Однажды дед Матвей полез за старыми газетами для растопки печи и наткнулся на свёрток, который вытащил летом из-под крокодила. Хотел кинуть в топку, но передумал. Затопил печь, нацепил на нос очки, открыл коленкоровую тетрадку и начал читать.

Лето. Мне десять лет. Мама отправила меня в пионерский лагерь. Солнце, воздух и вода множат силы для труда. Так она сказала. А ещё дала тетрадку и велела вести дневник. Солнце с воздухом здесь точно есть. Воду караулит крокодил. К фонтану не подойти. У него страшные зубы и глаза... Ну такие... всё видят, короче. Пойдёшь по дорожке, оглянешься – он смотрит, свернёшь на газон – а он и там достанет. Я его боюсь. Хоть он и каменный. По газонам ходить нельзя. Светлана Сергеевна ругает. Она строгая. Никогда не улыбается. А Томка Трушкина красивая. Глаза у неё коричневые и большие. Как у телёнка за забором. Он пришёл и тыкался в распахнутую ладошку розовой тёплой мордой. Потом ещё напишу. Светлана Сергеевна кричит неукоснительно: Ну-ка дети встаньте в круг.

Всю неделю в дневник не писал. Мама говорила в плохую погоду ходить в библиотеку. Вчера шёл дождь, и я ходил. Читал про Таракана. У нас они тоже ползают. Сторож грубою рукою из окна его швырнёт. И во двор вниз головою наш голубчик упадёт. Сторож дядя Миша добрый. Раздаёт нам леденцы. Говорит, что бродят по свету его дети. Он не знает, где они бродят, поэтому всем встречным-поперечным ребятам раздаёт. Томка сказала, что лучше бы шоколадки раздавал. Она шоколадки лучше любит, чем леденцы. А дядь Миша сказал: я свой калибр знаю. Я спросил: а что такое калибр? Тогда он показал на Ваську и сказал. Вот крупный калибр, а Лягушонок – мелкий. Лягушонок у нас меньше всех. Он ходить не может. Только ползает и мычит. А говорить и квакать не может. У него большой рот и текут слюни. Наверно мешают ему говорить. Мы опять водили хоровод. Пусть всегда будет солнце! Мне кажется, внутри крокодила кто-то живет. Снаружи – камень, а внутри – кто-то злой, хуже таракана.

Листья на большой берёзе улетают жёлтыми стаями. На заднем дворе живут куры. Томка Трушкина по-доброму кормила их хлебом. Петух подпрыгнул и клюнул её в лоб. Она сильно ревели. Я испугался, что он клюнет её в голый глаз и тоже заревел. Дядя Миша зарезал петуха. Стукнул топором по шее. Голова с гребешком и открытым клювом валяется на траве, а он скачет. Если птичке хвост отрезать, она только запоёт. А этот подпрыгивает и отъявленно скачет. Кровь красная булькает из шеи и замарала перья. Томка снова ревели. Светлана Сергеевна кричала на нас и дядю Мишу. А он сказал, что суп все любят. Ну-ка, дети, встали в круг.

Вышла из комнаты Вера.

– Что это у тебя, Матвей? Тетрадка какая-то?

Дед Матвей мягко отстранился от жены, пытающейся заглянуть через его плечо.

– Да тут... такое дело... потом расскажу. Иди, Вера, сейчас твой сериал начнётся! – он взял сигареты и направился в сенцы.

Затягивался и живо представлял себе этих ребяташек. Вот ведь... Они тоже отправляли своих в лагерь. Но никогда не думали, что там – так... Как так – Матвей не смог бы себе объяснить. Почему-то защемило сердце. Вернулся в избу, налил в кружку молока, отрезал хлеба.

– Эй, ты чего кусочничаешь? – всполошилась Вера. – Я борща наварила. Обедать надо, а не кусочничать.

– Да погоди ты с обедом, – Матвей допил молоко, подкинул дров в печку и, захватив тетрадку, пошёл в комнату.

Лёг на диван и стал читать дальше. Неожиданно история, написанная в тетрадке круглым детским почерком, захватила его настолько, что он ничего другого делать не мог. Ему дозарезу нужно было узнать, что случилось дальше.

Почему не едет мама? Говорила, что заберёт меня. Я хожу в библиотеку. Пишу дневник. А мама всё не приезжает. Сегодня на обед давали суп с курятиной. Не верится, что серые куски в супе – это петух, который клюнул Томку. Совсем не похож. У того – мы видели – внутри красное. Даже перья стали красные. И у крысы тоже красное. Под грязной шкурой. Васька убил крысу. Он тыкал её большим гвоздём, потому что топора у него не было. А он хотел посмотреть, как булькает из шеи кровь. Гвоздь он вытащил из забора. И тыкал, а она не булькала. Всё-таки надо топором, а не гвоздём. А я хотел посмотреть, что у неё там внутри. Как она бегала и ела? Интересно, а у крысы есть душа? Где она? Я её не видел. Там только кишки. Это сказал Васька. А ещё он сказал, что я ботаник. Светлана Сергеевна сказала: Ну-ка. Дети. Встанем в круг. Томка не хотела вставать и сказала, что боится крокодила. А Светлана Сергеевна ответила, он же каменный, глупая. И ещё сказала тихо, но я услышал: это скопище дебилов страшнее крокодилов. Дебилы – это она про нас говорит. А что такое скопище? Дядя Миша взял крысу за хвост и унёс. Интересно, куда? Одни вопросы. Надо в библиотеку сходить.

Прошло четыре лета и три зимы. Нас выпустили на улицу. А там – зелёные листики! И хорошо пахнет. Цветы. Мы их ели, ели. Никак не могли остановиться. А ландыши горькие. Лягушонка рвало. Светлана Сергеевна сказала, кыш, саранча! Встали в круг! Мне показалось, что крокодил сидит внутри Светланы Сергеевны и смотрит оттуда. Страшно и холодно!

Саранча – это кузнечики. А мама не приезжает.

Меня стала внушительно беспокоить Томка. Она иногда смотрит на крокодила огромными глазами. Танцует на каменной дорожке в колготках без башмаков и смотрит. Из дырявых колготок кровь сочится. А Томка плачет, как наводнение. Говорит, что он съел её сны. А сама такая красивая. Утончённо. Наверно, я влюбился. И что теперь делать? Как же мне узнать? Другие девчонки тоже туфли скинули. Но это не то...

Прошли по кругу лето, осень и зима. Снова весна. Но листья ещё не выросли. Снег навалился и не даёт им расти. Васька стал большой безразмерно. За обедом он задел локтем кружку и пролил кисель. Светлана Сергеевна стала кричать: «Подлизывай теперь языком, падаль! Из-за стола не выпущу, пока не подлижешь!» А Васька упёрся глазами в стол смело и молчит, не хочет подлизывать. Кисель по столу ползёт. Светлана Сергеевна краснее киселя сделалась, задрожала вся. Мы даже испугались, что ей плохо. Лягушонок всех спас. Он залез с ногами на стол и начал этот кисель лизать, язык высунул, лакал и улыбался большим ртом. А потом

слизывает одну улыбку вместе с киселем, но тут же вырастала другая. А кисель так и капал обратно на стол. Томка сказала: у Лягушонка есть душа. Светлана Сергеевна повела нас к крокодилу. Ну-ка, встали! Шире круг! Уже стемнело, а мы всё ходили и ходили протяжённо. Дядя Миша сказал: пора скотину кормить. Светлана Сергеевна ответила, что не заработала скотина, пусть пляшет. Тут Томка выскочила из круга и, чтоб крокодил на неё не паялился, ведро на голову себе надела и давай по нему кулаками стучать, будто в барабан бить. Все смеялись, и даже Лягушонок. Светлана Сергеевна одна не смеялась. Она хотела ведро отобрать, но Томка – ловкая девчонка, убежала вместе с ним. И Васька тоже куда-то делся. Под утро Томка пришла, коричневые глаза её сияют, будто лампочки горят, а по колготкам кровь бежит, как из петуха, красная. Светлана Сергеевна спросила, где ведро. Томка не знала, только улыбалась недосказанно. Светлана Сергеевна велела ей лечь на пол и стала бить её по пяткам. Я понял, зачем она это делала. Я читал, что по пяткам бьют покойных, когда не уверены, что они умерли. Это называется проба Раде. Но Томка-то живая. Она хохотала и необузданно извивалась, когда Светлана Сергеевна её била. А Светлана Сергеевна злилась и всё сильнее окрокодиливалась. От неё шёл монотонный холод. А Ваську дядя Миша поймал, когда тот через забор перелезть хотел. Светлана Сергеевна так кричала на него, что дядя Миша натурально захотел есть и ушёл в столовую. А Васька сказал: зарезу суку. И зарезал скоротечно. Только не суку, а Светлану Сергеевну. Она лежала у фонтана, а голова с накрашенными губами лежала отдельно и улыбалась. Когда была приставлена к Светлане Сергеевне, никогда не улыбалась, а теперь улыбается. Как такое возможно? Природа ничего не понимает, и ей довериться нельзя. Тогда я стал любознательно делать пробу Раде. Бил палкой по пяткам. Но тело Светланы Сергеевны не подавало признаков жизни. А ещё утром она кричала расточительно. Я хотел ещё проделать пробу Дегранжа, но у меня не было горячего масла, чтобы ввести его в сосок Светланы Сергеевны. А голова всё ещё обворожительно улыбалась. Тогда я вспомнил, что надо проверить зрачки. Слегка сжать глазные яблоки с боков. И – да! Зрачки так и остались овальные. А по правому глазу вообще ползала жирная муха. Откуда она тут взялась? А глаз от мухи даже не мигал. Значит, голова Светланы Сергеевны тоже умерла? Красная улыбка жила на мёртвой голове сама по себе. Осталось последнее средство: поколотить по щекам и поколоть иголкой уши, но пришёл дядя Миша, пододвинул голову Светланы Сергеевны к телу и накрыл простыней. Опыты пришлось прекратить. Я так и не узнал обобщённо, была ли у Светланы Сергеевны душа или что там вместо неё. Может, это и была муха? А потом дядя Миша куда-то унёс Светлану Сергеевну. Я оглянулся и увидел, что крокодил был в крови и старательно облизывался. Но ведь он же каменный!? Очень холодно. Снег тоже красный.

Лягушонок тоже умер. Светлана Сергеевна сказала, это чудо, что он прожил девятнадцать. Кто-то истыкал его большим гвоздём, как крысу. Зачем? Это не была пищевая мотивация. Все части тела Лягушонка были на месте. Я хотел посмотреть с погружением, что у него внутри. Почему он не мог говорить, ведь рот у него широкий. И где у него душа. Томка говорила, что у Лягушонка она была определённо. Осталось узнать, где. Но дядя Миша его тоже накрыл простыней и не дал исследовать. А новая Светлана Сергеевна, которую прислали вместо старой, сказала: пойдёмте танцевать! И мы снова поступательно ходили по кругу. Крокодил наблюдал за всеми. Томка думала, что он бессовестно смотрит только на неё. Она хотела снова надеть ведро на голову, но Васька сказал: пойдём в кусты. И они ушли, а новая Светлана Сергеевна не обратила на это внимания. Я тоже хотел пойти, но Светлана Сергеевна плотноядно держала меня за руку.

Томка стала совсем негодная. Бегает стильно, задирает подол и показывает всем чёрненькое. А сама такая красивая! И улыбается. Глаза чистые-чистые! Мама мне давно говорила, что показывать всем, что у тебя есть в штанах – неприлично. Мама всё не едет. Наверно, тоже

умерла. А может, её и не было? Я не помню её лица. Светлана Сергеевна сказала, что все мы дети алкашей и проституток. Я ничего не помню. Что же мне делать? Любить Томку или не любить? Я не чувствую жар любви, про который пишут в стихах. А иногда кажется, что в Томке живет... нет, не крокодил... что-то демоническое. Мне часто бывает холодно. Наверное, со мной что-то не так... аномальный ботаник...

Нам поставили другой забор – высокий и без щелочек, и телёнка больше не видно. И вообще ничего не видно. Лил дождь, и я сидел в библиотеке. Я читал книгу про одного учёного, который заразил весь мир пандемическим вирусом. Потому что боялся, что людей на земле стало сильно много. Перенаселение планеты. Воздействие вируса должно проявиться лишь у некоторых детей. Они с рождения нездоровы. У них никогда не будет потомства. «А как их выбирают? – подумал я, – тех, кому никогда не придётся стать родителями? И какой может последовать побочный эффект от всего этого? Ведь у всех лекарств, да и вообще у всего на свете, бывает побочный эффект». Мама говорила, что человек не должен превосходить назначенного ему господом. Или это не мама говорила? Вопросов не становится меньше. Томка сказала, что иногда хочет жить, а иногда хочет умереть. Эмоциональная амбивалентность. Зачем умирать? После смерти вы не сможете измениться к лучшему. Я, наверно, уже старый. У меня болят колени. Я не хочу умирать.

Матвей Кузнецов поднялся с дивана. Вышел на улицу. Мороз тут же прильнул к пылающему лицу, забрался под ватник и свернулся в клубок на груди, сжимая сердце ледяными пальцами. Старик закурил. Немного отпустило. Это что ж такое? Кто это все написал? Как такое вообще могло быть? Прочитанное никак не укладывалось в седой голове.

Дед Матвей взял лопату. Прошёлся по дорожке, поправляя снежный коридор. Дорожку он чистил регулярно, снегопада нынче не было. Механические привычные движения должны были отвлечь от страшного повествования. Не отвлекли. Аккуратно поставив лопату, Матвей вошёл в дом. Вера дремала перед включенным телевизором. Стараясь не разбудить жену, старик прокрался к дивану и снова потянулся к тетрадке в коленкоровой обложке.

Не знаю, сколько лет прошло. Я долго не писал в дневник. А что писать? Всё одно и то же. Бег по кругу. Каждый следующий день похож на предыдущий. Но сегодня... Мной овладела энергия иступлённой ярости. Не знаю, к чему это приведёт. Какой будет взрыв.

Сегодня банный день. Очередная Светлана Сергеевна сказала: Бабки, дедки, лягте в круг! Мы лежали голые на каменном полу. Стриженные затылки – не поймёшь, где – кто. А она поливала из шланга и лениво возила шваброй по одинаковым зябким телам. Даже огромному толстому Ваське было холодно. Он икал и всхлипывал пугливо.

Томка никак не могла подняться и плакала. Короткие волосы встопорщились седым ёжиком. У неё ноги стали отвердевать, окаменело тело. Только внутри осталось что-то и выходило из неё тёплыми слезами, стекало по коричневым тряпочкам грудей.

Светлана Сергеевна выкрикивала злобу квадратным красным ртом. Речевая грубость отнимает у женщины часть женственности.

Мы как лилипуты, имеющие нестандартно маленькие размеры для своего класса. Мы старики, но не были и уже никогда не станем по-настоящему взрослыми. У нас нет и не будет детей. Зачем нам жить?

Я решился. Я чувствую его в себе. Демона. Я сделаю inferno восьмого уровня. Я смогу. И пусть обманщиков бичуют бесы. Тираны пусть кипят в смоле. Кто вынырнет – их подстрелят из лука и снова затолкают баграми. А воры пусть мучаются гадами, взаимопревращаясь с ними, окрокотиливаясь и пожирая друг друга. Вечная драка в грязном болоте.

А мы... мы просто умрём. Ни плача. Ни вопля. Ни болезней больше не будет. Ничего не будет. Вечность начинается сегодня.

Интересно, куда уйдёт тот, кто внутри сидит. Может, обратно – в крокодила?

Какое это всё имеет значение?

Изменить ничего нельзя.

Матвей Кузнецов поднялся, держась за грудь, попытался растереть её, но корявые пальцы не слушались. Тетрадка в коленкоровом переплёте упала на пол.

Жена его, Вера, пережила мужа всего на полгода.

2013 год

Бамбочада

В травмпункте усатая врачиха спросила:

– А сколько вам полных лет, укушенный?

– Шестьдесят один, – пациент держался бодрячком и уже собирался отпустить какую-нибудь шуточку из тех, которые были припасены у него на случай нечаянного знакомства с женщинами.

– Ну, за таких мы уже не отвечаем. – В голосе лекарши послышалось облегчение.

– П-почему? – враз присмирел бодрячок.

– Вы уже достигли средней продолжи... – Последовательница Гиппократосеклась на полуслове, поняв, что сболтнула лишнее.

Поковырявшись инструментом пониже ключицы – в месте укуса – она сказала:

– Лапка, похоже, там осталась... Да и бог с ней! Сейчас прививку сделаем.

Пострадавший укол боялся с детства и отчаянно закусил губу. Он отлично помнил, что прививки от клещевого энцефалита вроде бы ставят в плечо, ну, на худой конец, под лопатку, и смиренно ждал, не надевая рубашку.

– В ягодицу прививка! – Наполняя шприц, на ходу бросила врачиха.

Пациенту, у которого внезапно заложило уши, послышалось:

– Не годится прививка.

Размышляя, отчего может не годиться прививка: лекарство, просрочено, или ещё чего, – он остался стоять на месте. Ждал, когда найдётся другое.

– В ягодицу прививка!

– Не годится прививка. – Снова услышал больной и догадался: таким – достигшим рубежа – прививка уже не полагается...

Врачиха, видя, что пациент тупо стоит столбом, рывкнула:

– В задницу прививка! Снимай штаны!

Придя домой, привитый молча налил себе самогонки, молча выпил.

– А тебе можно, Юрико? – со страхом спросила жена.

– Мне теперь всё можно, – обречённо сказал муж и лихо опрокинул вторую. — Холодная, сволочь, а вкусная! Эх! Жить два дня осталось...

Хотя Юрико сильно сократил сроки предполагаемой кончины, личная смерть стала мерещиться ему как нечто весьма близкое. Против небесного явления доской не загородишься. Неотвратимая неизбежность стала единственной закономерностью в абсурде под названием жизнь. А та промчалась, как лихой скакун, как скорый поезд, как сверхзвуковой самолёт. А вдруг – и правда – помирать уже послезавтра?

Земное: пища, питьё, тепло, женщины и отдых, – всё это в его бурной жизни было. В достатке. Иногда и с излишеством. Не хватало чего-то такого, небесного, что не позволяло вот так запросто взять – и уйти...

– Пойду посажу дерево. – Пришла в седую голову запоздалая мысль о бессмертии.

– Не успеет вырасти, – скептически сказала жена. – Посади лучше репку.

Иногда в оппозиции есть смысл. Или он только кажется?

Так или иначе, посадил дед репку.

А ещё картошку, моркошку и лук со шпинатом. Жена, радостно взволнованная оттого, что удалось-таки заманить благоверного на дачу, руководила им с наслаждением истинного сади́ста (однокоренные – «сад», «садить», разумеется). Мстя за его прошлые походы налево и направо, опьянённая реваншистскими идеями фурия изошрённо выдумывала и ставила новые сверхзадачи.

Смерть где-то задерживалась. Видно, её инкубационный период оказался более продолжительный, чем назначенный после укуса клеща зловеший срок. В ожидании костлявой приговорённый послушно копал грядки, чинил теплицы, и много ещё чего делал полезного, но к ата-насии пока не приблизился.

Однажды ему пришлось столкнуться с алогичной и страшной формой бытия. В мякоть картофельных листьев подобно атаке боевых слонов яростно вгрызались мягкие, аморфные и кроткие, личинки колорадского жука. Отныне война и террор стали главным делом новоиспечённого огородника. Упаковка хлорофоса не нанесла врагу ощутимого ущерба.

Тогда Юрико подумал, а что если его же салом – по мусалу? Обползал весь огород и собрал красноватые прожорливые сгустки, залил водой, поставил на солнышко, намереваясь опрыскать приготовленным снадобьем плантацию. Настой получился адским. Чудовищный запах мутного бульона вызывал резь в глазах. Отравитель кашлял и чертыхался, едва сдерживая рвотные позывы. Неожиданно из-за спины вышел Дружок и, извиняющееся виляя хвостом, сожрал содержимое банки. Вылакал мерзкое пойло с наслаждением – будто огуречный рассол с большого похмелья – и вылизал посуду.

Бабка нашла их на крылечке. Постигшие бессмысленность войны мужчины сидели в обнимку.

– Я говорю про будущую жизнь за гробом,
Я думаю, мы уподобимся микробам.
Станем почти нетелесными
Насекомыми прелестными.
Были глупые гиганты,
Станем крошечные бриллианты...*

Бабка слышала стихи, но не могла понять, Юрико ли читал их Дружку, или Дружок декламировал. Увидела лишь, что пёс счастливо улыбался, и тихонько отошла на цыпочках.

Покорность охлаждает гнев и даёт размер взаимным чувствам. Проснувшаяся в бабке внезапная нежность подвигла её на небывалый поступок. Она захотела сделать себе и мужу приятное, разнообразить супружеские отношения и купила светящиеся в темноте резиновые изделия анатомичекой формы.

– Хорошо тебе? – привычно спросил Юрико.

– Хорошо, – привычно соврала бабка и чего-то завозилась впотьмах, попросила посветить. Дед посветил, но при этом чуть не свалился от хохота с кровати. Производители не обманули: сияющий мм... фрагмент тела произвёл на обоих супругов незабываемое впечатление.

– Я хочу, чтобы у нас родилась внучка, – сказал вдруг Юрико.

– Внучка? Так у нас же дочери нет! – прыснула жена. – Да и сына тоже...

Продолжать смеяться легче, чем окончить смех. Дед и бабка сели рядом, стали думать о разных смешных вещах и ещё очень долго смеялись.

В спорах рождается истина. От смеха рождаются внучки.

Наконец, у них родилась внучка.

Юрико всегда думал, что дети – это гадость: сопли, визг и другие проблемы. Поэтому у них не было детей. Теперь дед с умилением смотрел на прыгающего на одной ножке пухленького ребёнка с любопытными глазами и огрызком огурца в руке.

– Машенька, зачем тебе ушки?

– Очки носить, как у деда.

– А зачем тебе щёчки? – Бабушка слегка ревновала.

– Чтоб деда целовал! – честно отвечала внучка.

– А животик зачем?

– Чтоб майку надевать. – Девочка не понимала, как можно не знать таких элементарных вещей. – некогда мне с вами!

Торопясь жить, она смачно выплёвывала на грядку огуречную жопку и убегала играть с Тимошей.

Большой рыжий кот был Машиным любимцем. Дружок тоже ценил его за честность и дружбу.

Всякий раз, когда хозяйка, приготовив завтрак, отлучалась, чтобы позвать хозяина, Тимоша запрыгивал на обеденный стол, подцеплял когтем верхний блин из высокой горки и бросал его на пол. Первый – Дружку, потому что из-за врождённой деликатности пёс не мог брать вкусное, пока его не угостили. Следующий масляный кружок Тимоша скидывал Маше, потому что малая ещё пешком ходила под стол и доставать еду не умела. Третий блин Тимоша неторопливо поедал сам, прямо здесь, не отходя от кассы. Вдруг кому-то понадобится добавка! А он начеку.

Бабушка почему-то воспринимала добрые дела рыжего Тимоши как мелкие пакости и пыталась растрепать компанию. Выгнав четвероногих на улицу, начинала рьяно кормить голодного ребёнка. Внучка орала и отбивалась: ежу понятно, что ворованный блинчик в сто раз вкуснее самой распрекрасной еды за столом.

– Нельзя есть с полу, – ругалась бабка.

– Оставь её. – Юрико вмешивался, зная, что чрезмерное усердие превозмогает рассудок.

– Но он же грязный! – возражала бабушка.

– Не отдам! Блинчик хороший! Мне его Тимоша дал, – кричала внучка, крепко сжимая кулачок.

Кот и собака наблюдали экзекуцию из угла и изо всех сил сочувствовали подружке.

– Не трогай её. Она счастлива.

– Что такое счастье? Грязный блин, выпавший из пасти кошки?

– Счастье – это когда не надо врать, что тебе хорошо, – сказал дед и спросил: – А ты видела, Маша, грязь под микроскопом? Это же россыпь самоцветов. Зелёные, красные, белые кристаллы. Прозрачные и сверкающие, точь-в-точь рубины и изумруды!

Приятно поласкать дитя или собачку, но всего необходимее полоскать рот. У деда сломался передний зуб. А у внучки выросло уже двадцать новеньких.

А что же репка? – спросите вы.

Выросла репка, как и положено, большая-пребольшая. С крутыми боками, круглая. Как земной шар. Как сама жизнь. И продолжает ещё расти.

Глядя на мир, нельзя не удивляться.

Однако была в сказке и мышка. На кухне пряталась, как скелетик в шкафчике. Сидела, костлявенькая, как игла в яйце, в стеклянной банке и точила зубы на репкин хвост. Прыгала от нетерпения. Однажды выскочила, прокатилась серым комочком под ногами и вцепилась в репкин бочок. Бабка взвизгнула. Замахала руками. Мышь с выкушенным куском в зубах рванула прочь, норовя юркнуть в норку. Но кот на страже сидел – караулил. Подцепил когтем безносую и съел с аппетитом.

Ходят вокруг репки дед, бабка, внучка и Дружок с Тимошей. Тянут-потянут – каждый новый день за макушку вытягивают. Не торопятся. Да и зачем её выдёргивать, репку-то? Выдернешь – и кончится что-то хорошее. Счастье есть удовольствие без раскаяния. Пусть себе растёт. Всему своё время. Хотя... Есть ли смысл в полёте часов? Кому это известно?

*Стихи А. Введенского

2015 год

Когда пойдёт дождь

Такого жаркого лета давно никто не помнил. За два месяца не пролилось ни одного дождя. Зной раскалил асфальт до липкой тягучести и высушил на газонах траву. Деревья ошенились неподвижными колкими листьями и тихо пергаментно потрескивали. И даже ночи не приносили вожделенной прохлады. Дома, словно раскалённые печи, сохраняли жар горячего, как пирог, города. А утром неутомимый диск вновь появлялся на небе, всё начиналось сначала.

– Бабушка, мы пошли купаться! – заявили внучки, которых ждали во дворе подружки.

Светлана Ивановна в сотый раз наказала, чтоб не заходили далеко, не сидели в воде до синих пупырышек, чтобы старшая, Соня, присматривала за егзой Галкой; потом, скрепя сердце, отпустила девочку и вышла на балкон. Внучки выскочили из подъезда, влились в щебечущую стайку дворовых ребят. «Вроде всех знаю. Пашка Егоров из второго подъезда. Вера и Люда постарше Сони. Примерные девочки и родители у них хорошие. Присмотрят», – успокаивала себя Светлана Ивановна. Она с удовольствием пошла бы на речку сама, но накануне, собирая на даче малину, задела притаившийся в кустах борщевик. Через три дня руки до самых плеч покрылись водянистыми, как от ожогов, волдырями. Век живи – век учишься! Если бы она сразу вымыла руки, или хотя бы не находилась после этого на солнце – ничего бы этого не было. Едва сдерживая непреодолимое желание почесать, да что там – яростно разодрать зудящие места, Светлана Ивановна помазала руки облепиховой пенкой и принялась ждать девочек.

Через три часа они не появились. Светлана Ивановна прибрала в квартире, погладила бельё и приготовила обед. Поминутно выскакивала на балкон, вглядывалась вдаль. Прошёл ещё час. Светлана Ивановна уже сто раз мысленно представила себе весь путь до карьеров, где раньше добывали гальку, а теперь, за неимением пляжа, купались жители района; и постепенно для неё открывались тысячи опасностей, которые подстерегали на пути её девочек.

Их высотный дом, который все называли «книжкой» из-за трёх расположенных веером корпусов, стоял неподалёку от входа в Сад Металлургов – большой запущенный парк. Нужно пройти по темноватым аллеям под старыми раскидистыми деревьями, минуя непролазные и оттого ставшие вдруг подозрительными заросли шиповника и акации. Потом пересечь шоссе с несущимися на полной скорости автомобилями – объездную дорогу по выходе из парка. Крутой спуск. Галечный берег с кучами мусора. Разные компании отдыхающих. Нетрезвые мужчины и женщины. Ошалевшие от жары собаки. Бутылки из-под пива. Осколки стекла. Карьеры. Обрывистое дно. Бьющие снизу холодные струи родников. Светлана Ивановна уже сто раз пожалела, что отпустила девочек. Подспудный, интуитивный страх рисовал в голове жуткие картины. На любом отрезке пути, который, не задумываясь, преодолевали они обычно минут за двадцать, могло произойти что-то ужасное. Пытаясь взять себя в руки, она находила какие-то доводы и объяснения, почему отпустила: как летом – без речки? И сама была маленькой – убегала купаться, и дочка Катя, мать девочек, тоже, бывало, задерживалась. Неужели до восемнадцати за ручку водить? Не первый раз. Вчера и позавчера тоже отпускала внучек. Всегда возвращались. Сегодня большая компания – считай, всем двором ушли. Мало ли – заигрались. Вот-вот должны появиться. Но все контраргументы казались жалкими против предчувствия.

Тревога разрослась до размеров паники и затопила мозг. Светлана Ивановна наскоро забинтовала руки, кляня на чём свет стоит жару, борщевики, карьеры, и себя, старую дуру, выбежала навстречу. Чугунные ворота Сада, растрескавшийся асфальт дорожек. Сердце выпрыгивало из груди, уже понимая...

Да нет, вот же они! – отхлынуло от сердца. Щебечущая, как ни в чём не бывало, стайка детей. Вера, Люда, Пашка. Глаза отыскивают шестилетнюю Галку. Девочка увидела, бросилась навстречу.

– Так здорово искупались! – и тут же заглянула за спину бабушке:

– А где Соня?

– Как... где? – растерянно оглядываясь, прошептала белыми губами Светлана Ивановна.

– Докладывайте! – коротко бросил начальник отдела по особо тяжким преступлениям, и взгляд его коричневых, тёмного шоколада, глаз с печально опущенными уголками остановился на старшем следователе Уйманове.

Володарский знал, что люди, сидевшие сейчас в его кабинете, проделали колоссальную работу, отработывая различные версии. В Заводском районе города при загадочных обстоятельствах исчезло три ребёнка.

23 июня Максим Красильников, 6 лет, играл в песочнице, мать наблюдала за ним в окно. Выглянув в очередной раз, ребёнка не увидела. Поиски во дворе ничего не дали.

15 июля семимесячная Кириллова Саша пропала из коляски у дверей магазина, куда мать заскочила за молоком. Через пять минут нашла пустую коляску.

26 июля исчезла Соня Меркулова, 9 лет. Ушла с ребятами купаться на карьеры, вспомнила, что оставила дома купальник, побежала домой, но ни там, ни на берегу больше не появилась.

Исчезновения детей произошли в светлое время дня. И все – в одном районе – вблизи от Сада Металлургов. Свидетелей нет. Тщательно осмотрен каждый сантиметр парка. Вещей, принадлежащих исчезнувшим детям, не обнаружено. Опрошены жители трёх близлежащих пятиэтажек и девятиэтажного дома, именуемого «книжкой», а также продавцы магазина, расположенного на первом этаже одного из её корпусов. Никто ничего не видел. Ультиматумов с требованием денег либо выполнения каких-либо условий, цена которых равнялась бы жизни ребёнка, никто из родителей не получал. Отрабатываются версии похищения с целью вывоза детей для незаконного усыновления иностранцами и торговли внутренними органами. И тоже пока безрезультатно. Володарский понимал, что будь хоть одна зацепка, её бы не упустили. Но ведь прошёл месяц! Страшная неизвестность для родителей. Паника среди горожан. Недовольство вышестоящего начальства.

– Трупов пока не обнаружено, – докладывал старший следователь Уйманов, вытирая лысину большим клетчатым платком.

– И какие вы делаете из этого выводы, Александр Васильевич? – спросил Володарский раздражённо. Почему из немолодого и вечно потеющего следователя приходится вытаскивать клещами каждое слово?

– Либо дети ещё живы, либо...

– Либо их съели, – нехорошо пошутил один из оперативников.

– Похоже, от жары не только асфальт, но ваши мозги полностью расплавились! – повысил голос начальник. – Прошло больше месяца с момента первого исчезновения, а вы: либо, либо!..

– Либо... в городе появился маньяк, – бесцветным голосом продолжил Уйманов и добавил, глядя прямо в глаза начальнику:

– Людоед.

– Что? – заорал начальник. – Да вы с ума посходили! Фильмов голливудских насмотрелись! Если вы не нашли улики или тел, это ещё не значит, что их нет! Это значит – плохо искали!

В кабинете повисла тишина. Уйманов снова достал платок и принялся вытирать крупные капли влаги, проступившие на розовой лысине.

Наконец, что-то начало проясняться. Найден свидетель, который 26 июля гулял с собакой по Саду Metallургов.

– Эри – ещё щенок, ей семь месяцев. Ризеншнауцеры – очень активные собаки. Вот она и побежала за девчонкой, а та испугалась, – рассказывал собачник, – я звал её, кричал, но Эри ещё маленькая. Не слушается. Ещё быстрее за девчонкой рванула. Говорю же: поиграть она хотела...

– Вы сказали, что девочку увёл мужчина. Откуда он пришёл? – старший следователь Уйманов, смешной толстяк с розовой лысиной задавал совсем простые вопросы. «Зря боялся. Всё жена: затаскают тебя» – мелькнуло в голове свидетеля.

– Да, словно из-под земли откуда-то вырос. Обнял девочку, и они пошли. Куда? Кажется, к выходу из парка. А мы с Эри учились выполнять команды...

– Вам показалось, что девочка знакома с мужчиной? Не испугалась его, спокойно пошла с ним?

– Я подумал, что, может отец её. Она прижалась к нему. Только не похожи они...

– Почему?

– Ну, девчонка-то, сами видите, – чёрненькая, – кивнул он на фотографию Сони Меркуловой, – а этот, папаша-то – рыжий такой, все руки в конопушках оранжевых.

Через два часа работы со свидетелем был готов фоторобот предполагаемого преступника.

Когда один из оперативников пришёл к Меркуловым, вся семья была в сборе. Екатерина, мать исчезнувшей Сони, с почерневшим и опухшим от слёз лицом, взглянула на фоторобот и тут же сказала:

– Да это же Сонин преподаватель. Из Дома творчества. Саянкин Анатолий Семёнович. Соня к нему три года ходит. На класс фортепиано.

Бабушка, Светлана Ивановна, долго искала очки, потом, взяв листок с портретом дрожащими руками, на которых оперативник заметил крупные волдыри, тоже подтвердила:

– Да, похож. Только глаза... У Анатолия Семёныча добрые...

– Да, о чём ты говоришь, мама! Как ты можешь...

Светлана Ивановна съёжилась как от удара, сгорбилась и зашаркала на кухню, из двери которой выглядывала испуганная девочка лет шести. Отец Сони никого в изображённом человеке не узнал.

– Кто это? Маньяк, что ли? – и, повернувшись к жене, заорал: – А ты куда смотрела? Ни хрена себе! Дочь три года на занятия к маньяку ходила! И что он там вытворял с ней это время? Семейка, б... ть! У семи нянек...

Оперативник попытался было сказать, что ещё ничего не доказано и не ясно. Они делают всё возможное, чтобы найти...

– Так ищите, мать вашу!.. – зарычал отец, еле сдерживаясь, чтобы не схватить оперативника за грудки.

Он сидел на скамейке под тенью старой липы. Изнурительная жара спровоцировала рецидив, сказали бы врачи. Он не верил врачам. Они всегда врут. Они говорили: он сможет стать таким, как все. Он всё знал про врачей. Он всё знал про себя. Он не такой, как все. Это он, хитро притворявшийся все шесть лет, сумел их обмануть. В психушке, куда упрятала его любимая мамочка, было мерзко. Тесная комната, железные койки и ненавистные хари сожителей. Он так любил её, а она... Он хотел быть с ней одним целым. Всегда. Как хорошо, как сладко было лежать рядом и дышать. Упоительно перекачивать во рту нежный сосок – его собственность. Трогать её мягкий живот – место, откуда он вышел. О, как хотел он снова оказаться там и никогда не покидать её... Она отняла у него всё. Она сказала: ты уже не маленький мальчик. Ему так её не хватало... Шесть лет нежная душа плакала каждый день, но глаза оставались сухими. Он чувствовал себя потерянной половинкой. Затаился, впал в анабиоз. Чтобы

проснуться однажды и идти на зов. Жаль, что она уже умерла. Но он знает, чувствует, что скоро он найдёт то, что ему нужно. Он теперь не маленький мальчик. Теперь он умеет брать сам. Всё, что ему потребуется. Жара не спровоцировала рецидив. Жара открыла ему новые ощущения, разбудила способности, о которых он раньше не знал. Это как чудесная волнующая мелодия, которую услышишь случайно где-то вдалеке, и хочется приблизиться, отдаться полностью, слиться с ней.

– Докладывайте! – сказал Володарский, и Уйманов вновь отметил скорбное выражение глаз начальника.

– В человеке, которого видели последним с пропавшей Соней Меркуловой – по составленному фотороботу, предъявленному родственникам пропавших детей, – был опознан Саянкин Анатолий Семёнович, семьдесят четвёртого года рождения, не женатый.

– Все его опознали? – перебил Володарский.

– Нет, только мать и бабушка Меркуловой. Родители Красильникова и Кирилловой не знают этого человека, – Уйманов достал из кармана сложенный вчетверо клетчатый платок, положил на колено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.